

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом

Проповедь 7 мин.

Однажды Господь Иисус Христос, идя со Своими учениками по дороге, увидел сидящего около дороги слепого, просящего милостыню. Ученики знали, знал и Спаситель, что этот слепой — от рождения. Он всегда сидел и на этом месте, и в других местах и просил милостыню, только милостыню. Как он мог просить о другом, скажем, о прозрении — это был слепой от рождения! Какое страшное несчастье, братья и сестры, какое страдание — родиться слепым, жить всю свою жизнь во тьме и умереть во тьме, вся жизнь — одно сплошное страдание!

И вот ученики спрашивают Спасителя: «Скажи, за что страдает этот человек? За что послано ему такое жестокое наказание — за его грехи или за грехи его родителей?» Но ведь за его грехи ему не могло быть послано такого страшного наказания — он родился слепым, он до рождения своего, в утробе матери был уже слепым. За что же это наказание, кому это наказание? И вот Господь Иисус Христос отвечает на этот вопрос ученикам: «Ни за чьи грехи он не страдает, ни за свои, ни за родителей. Это страдание ему послано для того, чтобы явились на нем дела Божий». И после этого он исцеляет больного, слепорожденного, Он дает ему зрение. Вот дело Божие! И говорит: «Я совершаю дела Божий, дела Пославшего Меня, пока есть день. Наступит ночь, и тогда уже эти дела совершать нельзя».

Братья и сестры! Это евангельское чтение, которое вы сегодня слышали, имеет огромное значение для каждого из нас в нашей жизни здешней. Христос учит о том, как люди должны понимать страдания и относиться к страданию. Вся наша жизнь сплошное страдание! Каждый из нас страдает и вокруг себя видит одни страдания. Их гораздо, гораздо больше, чем радостей и благополучия в жизни, и всякое благополучие обязательно имеет в себе еще и какие-то страдания. А все наши болезни, — и только ли болезни? — все наши муки, душевные и телесные, — сколько их приходится пережить каждому из нас! Так было, так есть и так будет! И поэтому всегда люди искали объяснения тому, что такое страдание, и как к нему относиться? И так как никто никогда не хотел страдать, и так как страдания есть мука, от которой каждый всегда хотел освободиться, облегчить ее, создалось очень много учений об отношении к страданию — и религиозных, и философских, и социальных, и политических учений. Все эти учения, все до одного, страданий не признают и желают найти способ освобождения человека от всех страданий. И никогда этих способов ни одно учение не найдет, и всегда человек будет страдать. И только одно учение — и религиозное, и философское — принимает страдание: это наше христианское учение. Только Христос учит, что такое страдание, как нужно его понимать и как к нему надо относиться.

«За что страдает этот человек, — ученики спрашивают Христа, — за что, за свои грехи или за грехи родителей?» Конечно, страдание всегда есть следствие греха, следствие зла, но совсем не только «за что-то» посылается страдание человеку. Оно посылается «для чего-то». Вот это страдание слепого было послано ему за тем, чтобы на нем явились дела Божии. Это значит, что страдание всегда имеет какую-то цель, зачем-то посылается. А раз оно имеет цель, то оно имеет смысл.

Невозможно переживать страдания, не понимая его смысла, — тогда его нужно отвергнуть. А так как жизнь есть страдание, то это значит, что надо отвергнуть жизнь, уйти из жизни. Такие учения как раз и существуют: буддизм учит об этом, Конфуций также этому учит. Жизнь есть страдание, и из этой жизни нужно уйти в ничто, в небытие, где нет страданий, — в нирвану.

Другие учения по-другому относятся к этому, но все, решительно все, отвергают страдание.

И только христианство принимает его, потому что вкладывает в это .страдание смысл: Сам Бог страдал, и Его Страдание, Сына Божия, это было искупление рода человеческого, они имели цель — и какую цель — искупление! Страдание всегда искупление. Страдание всегда ведет к какому-то возрождению человека — к нравственному возрождению. Правда, бывают страдания такие, которые губят человека, совсем губят, доводят его до самоубийства и особенно тех людей, которые отвергают страдания. Но для нас, христиан, страдание всегда исполнено смысла, мы понимаем, что оно может быть, возрождением человека, может быть, искупающим его грехи, может быть преодолевающим зло. Именно потому, что Сам Сын Божий пострадал! Мы знаем, что к искуплению, к возрождению, к нравственному возрождению, к преодолению зла всегда ведет тесный путь, путь Христов, путь страдания — крестный путь, крест. Принятие страданий есть принятие креста. У каждого есть свой крест, братья и сестры, каким бы он ни был, — у одних он более тяжелый, у других он менее тяжелый, — но каждый имеет свой крест. Его нужно принять, его нужно нести. И тогда человек этим крестом спасется. С этого креста нисходят радости к нему, настоящие радости, совершенная радость.

Но если страдания искупают, если они возрождают человека, то зачем же тогда сочувствовать страдающему? Это зло ведь в конце концов для него оказывается добром, зачем же я ему буду сочувствовать, зачем же я ему буду сострадать? Пусть страдает спасения своего ради, а я посмотрю на эти страдания со стороны, тем более что и я страдаю спасения своего ради! Так рассуждают часто христиане, братья и сестры. И это отвратительное, бесчеловеческое, безобразное понимание смысла страданий! Оно совершенно не христианское, хотя и прикрывается христианским пониманием. Нельзя иссушать источники настоящей христианской нравственности в таком бесчеловечном отношении к страданию. Обязательно всякому страданию нужно СОСТРАДАТЬ. Так, как сострадал всякому страданию Господь Иисус Христос. Что сделал. Христос? Не только как Он ответил ученикам, а что Он сейчас же, тут же сделал, братья и сестры? Он показал дела Божий, дела сострадания. Он исцелил этого слепого. Нужно сочувствовать каждой беде, каждому несчастью, самому маленькому и самому большому страданию, и стараться облегчить это страдание ближнего чем только можешь и как только можешь, но обязательно облегчить. И смотри, христианин, чтобы ты сам никогда не был источником страдания другого человека, ближнего.

Христос исцеляет слепого и говорит: «Я делаю дело Пославшего Мя». И мы с вами посланы в этот мир, мы с вами живем в этом мире как бы посланцами самого Христа, и потому мы с вами должны следовать Его примеру, Его делам, то есть всегда, всегда помогать, всегда сочувствовать, всегда сострадать. И смотрите, братья и сестры, делайте это, пока есть день, придет ночь — смерть, когда уже делать этого будет нельзя. И пока он есть — будем это делать, потому что это дело — Божие дело, — дело, которым мы и спасаемся в вечности и в этой жизни.

Аминь.

1977

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме

Проповедь 10 мин.

Дорогие братья и сестры, празднуя светлый, всерадостный праздник Христова Воскресения, в эту неделю мы с вами слышали евангельское повествование об апостоле Фоме. И неделя эта называется неделей апостола Фомы. В этом евангельском повествовании, как мы все знаем, рассказывается, как после воскресения Господа апостолы собирались «дверем затворенным (это значит при закрытых дверях) страха ради иудейска», то есть из страха перед местными властями, местным иудейским обществом, которое не только распяло Христа, но и преследовало Его учеников-апостолов. Апостолы, собравшись тайно, сподобились пришествия Христа, Который пришел к ним «дверем затворенным» и сказал: «Мир вам!» — и послал их проповедовать Евангелие всей твари, приобщать людей к Господу, «крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Господь обещал Своим ученикам, Своим последователям, верующим во имя Его, что пребудет с ними «во вся дни до скончания века».

В евангельском повествовании рассказывается, что когда Христос явился к апостолам, с ними не было их сотоварища Фомы. Когда же ученики рассказали Фоме, что видели Христа, тот ответил им: я не поверю до тех пор, пока не только не увижу Его, а пока перстами моими не

дотронусь до Его ран, не вложу руку мою в ребра Его — и только тогда буду верить! И вот, в другой день опять собрались ученики. Опять они молились и были в страхе при дверях затворенных, и опять вошел к ним Христос и сказал им: «Мир вам!» — и обратился к Фоме: «Дай руку твою и вложи в раны Мои; и не будь неверующим, но верующим». И тогда воскликнул Фома с восхищением, с радостью и великой верой: «Господь мой и Бог мой!» А Христос сказал ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня, ты убедился, получил доказательства; блаженны не видевшие и уверовавшие».

Дорогие братья и сестры! В этом евангельском повествовании есть целый ряд мыслей очень знаменательных для всей истории христианства — от начала до второго пришествия, до конца мировой истории — и актуальных, важных и для нас с вами, для нашего положения. За всю историю христианской церкви, вот уже почти две тысячи лет, и, по всей вероятности, до второго пришествия во славе Господа нашего Иисуса Христа христиане собирались и будут собираться как бы «дверем затворенным». Это значит — все время они будут в каком-то страхе перед сильными мира сего, перед обществом мира сего, все время они будут в меньшинстве, и для того чтобы им веровать, исповедовать, молиться, чтобы жить им христианской жизнью, всегда приходится быть каким-то образом... «дверем затворенным». Разве это не верно, дорогие братья и сестры, и в нашей с вами жизни? Разве и мы не живем, как жили первые христиане, «дверем затворенным»? Мы собираемся, молимся, празднуем, исповедуем, веруем в Христа и прославляем Его, стараемся соблюдать заповеди, жить по учению Его — и все это как бы в личной своей жизни, в семейной своей жизни, в своем кругу. И выходим вовне, в мир, где не только отвергают Христа, но где из-за нашего исповедания, из-за нашей веры мы терпим разного рода лишения.

Действительно, вся жизнь христианской церкви — и наша с вами — проходит как бы за затворенными дверями «страха ради иудейска», страха ради общества, страха ради тех других людей в мире этом. И всегда Он приходит к нам, всегда говорит нам: «Мир вам! Не бойся, малое стадо, в мире скорбны будете, но мужайтесь, будьте смелы — Я победил мир. Вы идите в мир, — как Он сказал апостолам, — идите, проповедуйте, учите все» народы, приводите их к вере, благовествуйте им Евангелие, крестите их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учите их осуществлять в жизни все, что Я проповедовал вам, а Я всегда буду с вами до скончания века». И ныне, дорогие братья и сестры, звучит к нам Его голос, и ныне Он говорит нам: хотя вы и живете за закрытыми дверями, хотя вы и подвержены страху, но открывайте двери и выходите, идите в мир, проповедуйте Евангелие, крестите, учите людей соблюдать все, что Я заповедал, чему Я учил, приобщайте людей к Моему учению. Что бы ни случилось с вами — Я буду с вами. Дорогие братья и сестры! История апостола Фомы — это история всей христианской церкви от начала до конца — и наша с вами, и это естественно. Каждому человеку на протяжении всей истории человечества — и каждому из нас, здесь стоящих — свойственно неверие, свойственно сомнение. И это нормально, естественно, потому что человек хочет верить только тому, в чем он убедится воочию. И всегда у христиан, которые веруют — и у нас с вами, — бывают минуты маловерия, неверия, сомнения. И бояться этого не надо, ужасаться этому не нужно — это проявляется наше человеческое слабое естество, которое требует доказательства. Но с нами — и во всей истории христианской церкви — происходило и происходит то, что произошло с апостолом Фомой. Мы верой своей побеждаем слабость, искушение, неверие, маловерие, сомнение. После упадка веры, после кризиса мы вновь обретаем в себе силу веры, глубоко, преданно верим Господу, говорим Ему: «Господь мой и Бог мой!» И мы имеем большее обетование, чем апостол Фома, потому что Господь сказал: «Ты поверил, потому что увидел, а блаженны те, кто не увидели и уверовали». Вот, дорогие братья и сестры, это прямо к нам относится. Мы не видим физически, мы не имеем никакого вещественного доказательства, но мы всей душой веруем. Ибо, дорогие братья и сестры, если не веруем в воскресение Христа, то, как апостол Павел говорит, вера наша будет напрасна, суетна. Ибо если Христос не воскрес,

тогда наше благовестие, наше христианское учение будет просто одной из многих философских, идеологических систем, которых много было, есть и будет. К ним тогда должно присоединиться и христианство, и будет оно тогда человеческим учением, пусть благородным, пусть хорошим, пусть умным, но просто изобретением человеческого ума, а значит разделит тогда участь всех философских, мировоззренческих систем — а их столько, этих систем, изобретаемых великими мыслителями, великими реформаторами человечества, великими вождями человеческой истории! Но свойство этих систем таково, что они имеют свое начало и имеют свой конец. В истории всегда было так, что на смену одной системе приходит другая. Но мы знаем, дорогие братья и сестры, знаем вместе с апостолами, которые видели, которые осязали, которые убедились, что Христос воистину, действительно воскрес. И с Ним вместе воскреснем и мы, воскреснет все человечество. В этом великое преимущество благовестия христианского, потому что — что обещают миру все остальные учения? Они обещают счастье, благоденствие когда-то, а во имя этого благоденствия мы, все поколения людей, должны страдать, трудиться, приносить себя в жертву будущему счастью грядущих поколений — умереть и этим окончить свою жизнь. Таким образом, все мировые системы, всякого рода мировоззрения приносят настоящую, действительную жизнь каждого отдельного человека во всемирной истории в жертву будущему, а ему самому не дают ничего, кроме болезней, труда и горя в его собственной жизни, после чего он умирает, разлагается и гниет. Между тем, благовестие христианства тем и велико, тем и божественно, тем и непобедимо, что оно дает жизнь, бессмертие каждому человеку. Несмотря на страдания, болезни, горе и переживания в этой жизни, мы знаем, что мы не погибнем, как клоп, как трава. Мы знаем, что мы живем для жизни вечной, и знаем, что для этой жизни вечной воскреснут все люди от начала мира.

Христос сошел во ад (мы сегодня празднуем как раз это воспоминание), чтобы всем людям, которые жили от Адама до Него, благовествовать воскресение, освобождение от ада, жизнь вечную. Таким образом, христианство гарантирует победу, жизнь вечную каждому из нас, каждому человеку, самому ничтожному, самому несчастному, самому слабому, самому неразумному, самому незначительному. Все люди в христианстве ценны, бесконечно ценны, ибо они бессмертны. В христианстве каждая человеческая личность, самая ничтожная, самая неразумная, психически даже ненормальная, не могущая даже жить, — каждая личность так же ценна, как и какой-нибудь великий гений рода человеческого, ибо одинаково бессмертна, одинаково обретает жизнь вечную. В христианстве обретает жизнь вечную все земное, все, что жило от начала, все, что живет и будет жить до конца мировой истории, — все обретает истинное бессмертие и счастье. Вот это — бессмертное преимущество христианства, это доказательство его божественности, потому что ни один ум человеческий не может этого изобрести, потому что это противоречит обычному человеческому мышлению, это против обычного для человека неверия, как это было у Фомы. Но мы с вами, дорогие братья и сестры, преодолеваем это неверие, мы с вами блаженны, по слову Господа, ибо и не видели, но веруем. Будем, дорогие братья и сестры, исповедниками Его и воскресения Его и вестниками радости воскресения и жизни вечной для всех наших родных, всех наших знакомых, для всех, с кем мы встречаемся, — и тех, кто верует, и тех, кто не верует, и тех, кто насмехается над нами, и тех, кто притесняет нас, и тех, кто считает нас неразумными, суеверными, обманутыми, темными. Будем вестниками радости и для них и скажем им, что, независимо от их отношения, — они бессмертны, ибо Христос воскрес для всякого умершего.

Аминь.

17 апреля 1977

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей

Проповедь 47 мин.

Из слова перед великой вечерней накануне Дмитриевской родительской субботы

Заупокойное поминовение в Дмитриевскую родительскую субботу – служба, которая в Уставе не отмечена, но этот день имеет большое значение для нашей страны. Он тесно связан с Куликовской битвой. Русские люди в ней одержали первую большую победу над рабством, но огромной ценой. И тогда (с XIV века) князь и весь народ, вот уже как 600 с лишним лет, решили поминать тех, кто пал в этой битве.

Сейчас это очень актуально, так как вновь наш народ оказался в рабстве и боится, что не

удастся ему встать с колен. И мы знаем, какой дорогой ценой досталось нам возрождение духовной жизни, которую мы имеем сейчас. Сколько людей полегло на поле битвы! Вот и наш храм похож на здание, как будто вышедшее из-под огня, как будто побывавшее на передовой. И сегодня мы поминаем всех, но особенно тех, кто пал за веру нашу, кто так хотел сохранить веру и преданность Богу, что жизни своей не жалел. Мы будем совершать вечерню, как положено по Уставу, а потом панихиду, молясь за всех, за веру и отечество жизнь свою положивших – не только на поле брани, но и везде.

Аминь.

Из слова по окончании вечерни

Дай Бог, чтобы и нас было кому помянуть, чтобы и мы легли кому-то на сердце. Ибо если человек совершит что-то хорошее, его будут долго помнить, как и если человек совершит зло, его тоже будут долго помнить, но по-другому.

Вспомним теперь, что мы говорим на похоронах, на поминках? Говорятся совсем не церковные вещи. Говорят, что на поминках необходимы вино, водка, хлеб с солью. Это не христианство. А иногда соединяют это язычество с христианским поминанием. Так тоже нельзя. Или одно, или другое.

Некоторые говорят: «Если не поставить водку, никто и не придет». Но что это за поминки, куда приходят лишь выпить? Это не христианские поминки.

А еще говорят: «Пусть земля будет пухом» и т.п. Это тоже не христианское пожелание. Христианское пожелание, например, чтобы Бог принял дух усопшего с миром. Давайте помнить об этом. Хотите пожелать хорошего – пожелайте мира усопшему и всем живущим на земле. И чтобы Господь сотворил вечную память – вот чего мы хотим. Ибо она – равнозначное отражение жизни вечной человека, живущего на земле. И мы стараемся жить так, чтобы иметь жизнь вечную по вере нашей – здесь она начинается, но здесь не кончается.

Будем же очищать свою веру от суеверий, от язычества, – веру, и вместе с ней всю нашу жизнь, ибо в ней еще много этого язычества.

И еще. Многие пишут в записках имена, но забывают, что нужно за этих людей молиться. Ведь безгрешных людей не бывает, один Господь Иисус Христос без греха. Будем молиться о каждом, чтобы Господь принял его. Не думайте, что если священник молится, то этого достаточно – он лишь выражает дух и волю Церкви. Он лишь «подталкивает» вас к более глубокому поминовению. Без вас и священник не сможет вполне церковно молиться. Поэтому прикладывайте каждый раз все свое сердце – тогда поминание будет христианским.

Некоторые обвиняют православных в том, что они стали «мертвopоклонниками», что у нас культ мертвых. Да, увы, бывает, что когда нужно поминать усопших, приходят многие из тех, кого на евхаристии не увидишь. Это магия. Помните, что всякая магия недостойна православной веры. Мы должны отличаться от наших далеких предков, которые тысячу лет назад справляли по покойникам тризны в т.п., но Бога и спасения во Христе не знали.

Конечно, все мы пойдем в «путь всея земли». Но нам не надо этого бояться, так как Господь Иисус Христос победил Смерть и помогает нам обрести Жизнь вечную. Не будем бояться смерти – лишь бы она была непостыдна и мирна. Хорошо бы и безболезненна – но это уж как кому дано.

Пусть страшит нас только одно - нарушение мира с Богом и ближними. Апостол Павел говорил: «Насколько возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» Рим 12:18. В мире сем много зла, и полноты мира еще не может быть. Зло вызывает реакцию в тщеславном человеке или корыстолюбивом человеке и т.д. Но мы служим Богу и будем стараться жить так, чтобы жить и умереть достойно. Вы знаете, как часто смерть человека связана с тем, как он живет. Верующий человек не может умереть случайной или бессмысленной смертью, так как Господь защищает его. Своим покровом, Своим крылом.

Постараемся же построить свою жизнь так, чтобы она закончилась на земле не случайно, но достойно христианина.

Аминь.

2 ноября 1990

Слово на литургии

Братья и сестры, христиане!

Сейчас мы с вами слышали притчу, - притчу о богаче и бедном Лазаре Лк 16:19-31, о том, как один человек все время пиршествовал блистательно, ибо был богат, а другой питался крохами, тем, что едят псы в доме хозяев своих. Дальше мы слышали о том, как умерли оба эти человека и оказались в разных условиях после смерти: тот, кто веселился и радовался здесь, на земле, стал мучиться, а другой утешался на лоне Авраамовом. И произошел между мучающимся богачом и Авраамом, отцом всех верующих, диалог. Сказал Аврааму богач: «Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой...». Но Авраам ответил: вспомни, что ты уже испытал все наслаждения, а Лазарь получал злое, ныне же он утешается. А кроме того, есть между нами и вами большая пропасть, так что перейти из одного места в другое невозможно.

Тогда богач вспомнил о братьях своих на земле и сказал: может быть, этот Лазарь пойдет и засвидетельствует им, как надо жить, для того чтобы они не попали в это место мучения. Но Авраам сказал: у них есть Моисей и пророки, пусть их слушают. А если кто и из мертвых придет, то это их не спасет, потому что все равно не поверят, если они не верят Моисею и пророкам.

Вот такая притча. И, кажется, здесь все просто, все понятно. Но давайте сейчас все-таки сделаем акцент не на том, кто, где и как будет жить после своей смерти, а на другом - на нашей с вами жизни, на том главном, что Господь открывает нам в этой притче.

И тут я прежде всего хотел бы вам напомнить, что язык притчи особенный, что притчи - не есть просто рассказы из жизни. Притча - это целостный образ, и за ним надо найти истину, то есть надо уметь понять притчу, воспринять ее в том духе и смысле, в каком она нам дана.

Господь говорил в этой притче только об одном, братья и сестры. Он не хотел просто отвратить нас от каких-то удобств и наслаждений в этой жизни. Господь хотел только одного, чтобы мы следовали за волей Божией, чтобы мы исполняли ее.

Чем согрешил богач? Разве просто тем, что он имел богатство? Нет, дорогие братья и сестры, не этим он согрешил пред Богом, а тем, что рядом с ним были нищие, были нуждающиеся, а он их не помиловал, он не сделал для них ничего. Таким образом, он отступил от закона милосердия, от закона Любви, который и есть единственный закон для нас, последователей

Христа, христиан.

Дорогие братья и сестры! Если мы хотим быть христианами, будем знать и соблюдать один закон – закон Христов, закон Любви крестной и воскресной, он же закон Свободы. Не надлежало бы разве каждому из нас подумать, нет ли рядом с нами одиноких, больных, немощных, страдающих людей, независимо от того, кто они нам? Не следовало ли нам уделить им внимания, оторвав себя от удовольствий, интересов, чтений и т.д.? Много нам надо делать в этой жизни, есть вещи, которые откладывать нельзя.

Вспомним и Нагорную проповедь Господа нашего Иисуса Христа. Там тоже говорится, что тот, кто получает уже здесь, на земле, для себя хвалу, воздаяние, тот не очень должен надеяться на похвалу Божию. Почему так? Потому что нам надо иметь в себе Любовь Божию и следовать за Господом, куда бы Он ни пошел. Для нас должен быть только один критерий выбора путей своей жизни, своих дел и служении – исполнение воли Божией и Любви Божией. Если мы исполняем правду Божию, закон Божий и если мы служим Любовью к Богу и ближним своим, чего бы нам это ни стоило – любой хулы, любых лишений, – мы должны идти за Господом. В этом-то и заключается главная суть сегодняшней притчи.

Апостол Павел может быть в этом для нас примером. Он говорит: «Я могу жить и в роскоши, и в нищете». Давайте же и мы будем уметь жить независимо от внешних обстоятельств всегда и везде для Господа и ближних наших, будем ли мы жить в роскоши, а в роскоши трудно жить, уверяю вас, будем ли жить в нищете, в которой жить тоже трудно, не заражаясь завистью, ропотом, не заражаясь озлоблением. Будем же учиться жить по-христиански в любых обстоятельствах, дорогие братья и сестры.

И наконец, вспомним последние слова сегодняшней притчи: «Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят». Будем же знать и помнить то, чему учил нас Моисей, о чем говорили пророки; слышать их, потому что через них открывается нам воля Божия, указывается нам путь правды и справедливости. А Господь наш Иисус Христос к тому же дал нам путь благодати и Истины. И вот, сочетая в жизни правду Божию, закон Божий и справедливость с благодатью и Истиной, будем жить достойно нашего христианского звания.

Аминь.

Из слова в конце литургии

Дорогие братья и сестры!

Поздравляю вас с праздником и с вашим причастием! Причастие – это та сила, которая держит нас в Любви Христовой. Мы, во время литургии воспоминаем пролитую за нас Кровь Христову, преломленное Христово Тело и приобщаемся Им. Этим мы открываем свое сердце Самому Христу, Который, воскреснув, уже не умирает, но живет в нас, верующих в Него. И поэтому все мы теперь – Единое Тело, Единая Церковь Христова.

Дай Бог нам всегда быть и оставаться этим Телом. И дай Бог нам быть достойными того звания, к которому мы призваны. Будем с вами стараться жить по-христиански, независимо ни от чего, взирая на Начальника и Совершителя Веры – Господа нашего Иисуса Христа.

Искушений очень много, много проблем, много трудностей, в нас еще велика инерция прежней жизни, потому что прежняя жизнь была очень далека от Бога, слишком далека, и трудно было найти помощь.

Но сейчас Господь помиловал нас, сейчас Господь пришел к нам, вселился в наши сердца и таким образом просветил их, восставил их, воскресил их, чтобы мы имели Жизнь вечную и не только для себя, а для всего мира, ибо мир создан для того, чтобы человек его просветил и соделал Царством Божиим.

Для нас пример – все святые. И в первую очередь Божия Матерь. Вы знаете, что сегодня мы прославляем Казанскую Божию Матери. Эта икона тесно связана с историей нашей страны не только потому, что она была обретена в городе, где было много неправославных и где нужно было, чтобы особо воссиял свет православной веры, но еще и потому, что в XVII веке, когда нашу страну хотели поработить враги, народ встал, поднялся с колен и пришел в Москву со списком Казанской иконы Божией Матери и не был посрамлен! Вы посмотрите на всю нашу историю – случилось ли когда-нибудь такое, чтобы, обратившись к Богу, обратившись ко Христу, покаявшись, наш народ не получил бы от Господа спасения. Такого не было никогда. Пусть и были печальные страницы в нашей истории, но только тогда, когда народ отступал от Бога, когда он забывал Его, когда он забывал закон Свободы и Любви. Вот тогда были расколы и распри, тогда было и взаимное уничтожение, тогда процветала ненависть, злость и грех. Давайте же сейчас, воззвав ко Господу, будем свидетельствовать о силе Божией, в немощи совершающейся. Храни вас всех Господь.

Аминь.

4 ноября 1990

Слово после утрени

Во время сегодняшнего богослужения мы просили у Бога милости, просили, чтобы Он благословил всех нас, благословил провести предстоящий день мирно, безгрешно, свято. Ведь мы, дорогие братья и сестры, призваны к тому, чтобы жить в праведности, в святости, в чистоте и в Духе Истины.

Так должен проходить каждый день нашей жизни, и мы должны учиться этому. Не случайно в евангелии говорится о том, что «отныне Царство Божие силой берется и употребляющие усилие получают его». Вот это усилие и требуется от каждого из нас. Усилие постоянное, а не от времени до времени. Конечно, слава Богу, мы находимся под благодатным покровом Божиим, в общении с Церковью Христовой. И это самое главное счастье нашей жизни. Мы можем причащаться святых Христовых Тайн, мы можем укрепляться в Вере и получать любое наставление как здесь, в церкви, так и дома, читая Священное писание, святых отцов и иные церковные писания. Конечно, мы живем современной жизнью и понимаем, как она трудна. Мы понимаем также, как много еще сил в нас и вокруг нас, препятствующих нашему исповеданию Веры. А мы ведь должны не только сердцем веровать, как говорится, «сердцем веруется в правду», но еще и устами признавать нашу веру, как дальше говорится: «Устами же не поведают ко спасению». Вот, чтобы получить такое спасение, мы не должны никогда бояться выходить пред очи людей для исповедания своей веры.

Святая мученица Параскева даже жизнь свою отдала за исповедание Веры. На иконах она изображается, как и все мученики, – в одной руке с крестом, а в другой – со свитком. А что на ее свитке написано, дорогие братья и сестры? Кто-нибудь из вас обращал внимание? Ведь на свитках у разных святых написаны разные вещи. Так вот, только у святой мученицы Параскевы на свитке написан Символ Веры. Символ нашей православной Веры, являющийся главным ее выражением и в то же время основанием для понимания, что такое наша вера, необходимый нам для того, чтобы мы могли истинную Веру познавать и исповедовать, то есть признавать ее пред всеми: и пред сильными мира сего, пред близкими нашими, и пред дальними. И это очень

важно, дорогие братья и сестры! Святая мученица отдала свою жизнь за нашу православную Веру. Так будем и мы с вами стоять за эту святую Веру, будем и мы держаться этой Веры. Не просто за букву закона, а за благодать, за Дух нашей Веры, потому что «законом не оправдается никакая плоть». «Буква убивает», - говорил апостол Павел. А Дух нас животворит, назидает и спасает.

Это мы должны помнить, дорогие братья и сестры. Ведь мы все призваны к тому, чтобы жить в Свободе Духа. Тогда Дух сам свободно сотворит себе формы жизни, тот Дух, который действует и в нас. Эти формы жизни могут меняться. Вы понимаете, что на белом свете православные люди живут по-разному. И слава Богу за это! И не надо стремиться к тому, чтобы все жили одинаково, в одной форме быта, с одинаковыми молитвенными правилами и т.д. К этому даже не следует и стремиться, потому что люди-то везде и всегда разные. К тому же одному бывает нужно побольше помолиться, а другому можно и поменьше, одному достаточно сказать всего несколько слов пред Богом, и Господь сразу отвечает и посылает ему благодать, а другому надо часами стоять пред Лицом Божиим, чтобы эта благодать вошла и укоренилась в его сердце.

Мы должны проявлять свою христианскую Веру ко всем, вплоть до самых внешних сторон жизни. Но все мы должны делать во славу Божию, как сказал апостол: «Что бы вы ни делали, все делайте от души, как для Господа, а не для человека». Не в смысле неприятия человека, а чтобы не было лицемерия.

Дорогие братья и сестры, мы должны хорошо знать Священное писание. Оно нас очень многому научит. Это первое и главное, что мы должны знать. Ведь пока мы не знаем Священного писания, так же, как пока мы не научились постоянно молиться и ещё не испытываем глубокой внутренней нужды в регулярном, постоянном, еженедельном причастии, можно считать, что наша христианская жизнь почти и не началась как следует.

Вот, дорогие братья-и сестры, как много нам еще предстоит сделать. Конечно, слава Богу, у нас потихоньку все же дела идут, и мы чувствуем Божие благословение. Это самое главное, какие бы препятствия на нашем пути ни были. Вы видите, что сейчас и с храмом у нас дела пошли. Каждый день работают у нас рабочие, и, значит, каждый день продвигается дело. И мы благодарны Богу за то, что Он посылает хорошую погоду по нашему прошению, и за то, что Он помогает нам во всем. Это для нас великое утешение, потому что мы не только надеемся, но мы уверены, что к Рождеству в храме уже будет служить литургия. Пусть еще и не во всем храме, но в его задней части, в притворе и под колокольной, где уже более просторно, чем здесь. Только все должны помогать и нужно молиться о том, чтобы Господь содействовал нам во всем, какие бы, повторяю, ни возникли перед нами трудности, преодолеть их.

Кому-то не нравится, может быть, то», что мы делаем. Вы знаете, что есть много лжебратьев, которые называют себя верующими христианами, таковыми не являясь. Они стараются мешать, а не помогать, потому что им хочется, чтобы все было только по их воле. А Господь распоряжается по-другому, по-Своему.

Не будем же смущаться, не будем с вами бояться, а будем идти дальше. Поэтому сегодня, когда мы соберемся на приходское собрание, главным будет обсуждаться вопрос о храме, о его восстановлении. Мы надеемся, что Господь поможет нам принять такие решения, которые бы помогли этому святому делу. Вы уже знаете, что в ногинской газете было опубликовано наше обращение к горожанам, и видели, как хорошо названо это обращение «И Церковь миру воссияет». Под церковью здесь подразумевается храм, но не только храм. Ведь Церковь - это вы, это все мы с вами. И мы должны тоже воссиять миру. Как бывает приятно, когда видишь действующий храм, как он сияет, как он красив, как он украшает все вокруг. Так и Церковь наша, Церковь в духовном смысле, я имею в виду нас с вами, так же должна украшать, быть

таким же украшением всему миру, спасительным украшением, а не просто внешним, потому что тот Дух, который живет в нас, должен служить, плодоносить в этом мире. Он должен открыться этому миру, иначе мир погибнет в грехах своих.

Вот, дорогие братья и сестры, я вас поздравляю сегодня с праздником. Именинниц поздравляю с днем ангела. Я уже вижу здесь некоторых именинниц, и я очень рад, что вы сегодня пришли и молились вместе с нами. Постарайтесь, чтоб этот день, день вашего ангела, был для вас днем назидательным, днем святым, днем радостным.

А всех присутствующих здесь не членов приходского собрания я попрошу сегодня, начиная с четырех часов, за нас помолиться, чтобы Господь благословил нашу встречу, чтобы она проходила в мире, в любви, в единомыслии и единодушии. Храни всех Господь!

10 ноября 1990

Слово на литургии

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Мы сейчас слышали о том, что сотворил Иисус бесноватому. Вот Господь приплывает в землю Гадаринскую и, выходя на берег, встречает одного человека из близлежащего города Гадары, который был одержим. Но одержим не просто какой-то физической или душевной страстью, а бесами. То есть он был так одержим злом, что сам стал источником этого зла. В него как бы вселилась неуместная злоба, что и значит, что он стал одержимым бесами.

В одежду он не одевался и жил в гробах (погребальных пещерах, гробницах). И вот, когда увидел Иисуса, то злоба поднялась в его сердце, и он начал говорить, только совсем не то и не так, что и как надо было бы говорить в этом случае нормальному, духовно здоровому человеку. Кажется, вот, даже хорошо, он «пал пред Господом» и о чем-то стал просить Его. Но о чем, с другой стороны, он говорит? «Что тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Умоляю тебя, не мучь меня». Это, на внешний взгляд, вполне разумная речь, дорогие братья и сестры. Более того, бесноватый тут открывает такую важную духовную тайну об Иисусе, которую далеко не все знали, ту тайну, за откровение которой Господь одному из своих любимых учеников Петру дает великие обетования. Бесноватый исповедует Иисуса Сыном Бога Всевышнего, то есть он признает то, что в Иисусе «обитает вся полнота Божества телесно».

Это – великая духовная тайна. Но оказывается, знать эту тайну и исповедовать ее людям могут не только лучшие ученики Христовы. Оказывается, это откровение может быть и следствием действия прозорливого духа зла. Потому что это зло как бы хочет выболтать духовные тайны, хочет их профанировать и тем самым принизить, унижить, расточить и развенчать.

О чем просит этот дух зла в бесноватом? «Не мучь меня». Приближается к нему Свет, приближается к нему Жизнь, приближается к нему Сам Бог в Иисусе, и он говорит: «Не мучь меня». Конечно, с позиций зла всякое добро мучительно. Благодать Божия для него есть мучение, потому что она никак не вписывается в рамки мира сего, с его тенденциями коварства, жестокости, компромисса, разложения и болезней. Да, для бесов Бог – Мучитель, потому что при Его приближении тьма уходит. Бесы не могут уже существовать, а тем более действовать в мире. Ведь бесы – это зло, то зло, которое исходит изнутри, как сказал Господь: «Извнутри, из сердца человека исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, лихоимство, кражи, лжесвидетельства, всякое непотребство». Поэтому злой дух и говорит

Иисусу: «Не мучь меня». Тогда Иисус повелел нечистому духу выйти из этого человека. Потому что человек на самом деле мучился этим духом и мучился давно, настолько давно, что все местные жители знали о нем. Они приходили и связывали этого несчастного человека цепями и всякими узами, стараясь сбересть его. Они жалели его. Они не хотели его погибели. Но тот, видимо, и в этом добре видел зло, некое ограничение своей падшей «свободы» и «силы». Поэтому он разрывал узы и был гоним бесом в пустыне.

Евангельская пустыня – место страшное, дорогие братья и сестры. Эта пустыня – не просто каменистые и пустые места, где нет людей, которые существуют в природе, в мире и очень часто являются плодом человеческой беспокойственности, человеческого греха, неумения и нежелания жить по-божески в этом мире. Евангельская пустыня – не только природная пустыня. Это еще пустота, пустота духовная, соответствующая состоянию человека, искушаемого духом нечистым или даже уже падшего.

Иисус спрашивает бесноватого: «Как тебя зовут? Как имя тебе?» А тот, продолжая вещать злым духом, отвечает Ему: «Легион» (легион – это очень большая военная единица). И евангелие нам поясняет данный ответ: «Потому что много бесов вошло в него», ибо уже не один бес, а множество, множество бесов было в этом несчастном.

Тогда, как бы чувствуя приближение своей погибели, снова просят злые духи Иисуса, чтобы повелел Он им пойти не в бездну, но в стадо свиней. И Иисус позволяет им это сделать. В этом было очередное коварство и соприродная бесам вещь, потому что это стадо свиней было главным источником дохода для гадаринских жителей. Они сами свинину не ели по закону Моисея, а выращивали свиней для продажи римлянам, оккупантам. Они знали, что по закону животное это нечистое, но разводили их, ибо это было им выгодно.

Итак, бесы просят войти, сами будучи нечистыми, в нечистое же, в свинское. «Подобное стремится к подобному», как говорили святые отцы. В то же время погибель свиней вызвала бы разорение, а потому и гнев на Иисуса у местных жителей. Это и произошло. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, стадо бросилось с крутизны в озеро и потонуло. Тогда пастухи побежали и рассказали все горожанам, а те, выйдя, в первую очередь нашли бесноватого человека исцеленным. Но по, евангелию, это их не привлекло, это их ужаснуло. Они ужаснулись и второй раз, как только увидели свою потерю. Они разорены. И это ради какого-то несчастного, которого они жалели, но не считали ни за что.

Тогда они стали просить Иисуса удалиться от них, потому что были объаты великим страхом. Он так и сделал. А бывший бесноватый пошел и стал проповедовать по всему городу о том, что сотворил ему Иисус.

Вот, дорогие братья и сестры, то, о чем мы сегодня слышали. Это для нас с вами очень значительное место евангелия. Не только потому, что произошло очередное чудо, где Господь явил Свою духовную силу. Не только потому, что мы услышали подтвержденное ею прямое исповедание Иисуса Сыном Бога Всевышнего (а для нас утверждение этой истины есть главный камень нашей Веры, на котором все мы стоим, почему и называемся христианами). Но еще и потому, что, слушая его, мы должны задуматься о себе. О том, чтобы никогда в нас не заговорило зло. Еще Достоевский в романе «Бесы» предупреждал наш народ, нашу страну о том, что бесы могут разгуляться, бесы могут разойтись, вселившись в целый народ, как в стадо свинное, и тот же он, подобно тому стаду, может броситься с крутизны вниз и погибнуть.

Нам надо, дорогие братья и сестры, остерегаться этого и сейчас. Тем более что однажды это несчастье уже произошло с нашим народом. Но эта опасность сохраняется, дорогие братья и сестры, сохраняется потому, что народ еще не нашел своего пути. Если он и исповедует Иисуса

Сыном Божиим, то очень часто это делается не от полноты Любви и добра, а по разного рода вторичным соображениям, а иногда даже в отношении христианской Веры провокационным. Мы должны исповедовать Иисуса так, как исповедал Его исцеленный, нам тоже надо идти и проповедовать всем, всему нашему граду и миру о том, что творит Иисус с нами, о том, что Он дает нам, о том, как мы наполняемся каждый воскресный день благодатью здесь, на литургии.

Да, мы почти зримо исполняем здесь Духом Божиим, Духом Божией Любви, преодолевающим всякие разделения и соблазны, очищающим, просвещающим всех нас, спасающим всех нас. Мы сейчас еще слышали из послания к Ефесянам, где апостол Павел говорит о том, что мы с вами «спасены чрез веру, и это не от нас. Божий Дар».

Воистину мы спасены! Конечно, никто из нас в отдельности засвидетельствовать спасения своего во имя свое не может да и не должен этого делать. Но мы должны твердо знать, что если Господь на Голгофе пострадал, если Он пролил Свою Кровь за нас, если Он получил такой Дар Божий, что разрушил державу Смерти, то это означает действительное и действенное спасение всего мира. Это означает и то, что все, кто открыл свое сердце Богу во Христе, тот уже приобрел в Нем спасение и очищение от всех своих грехов. Только бы мы не отпали от той благодати, которая нам дается через святую Веру Христову. Только бы мы не оставили первую Любовь свою.

Поэтому не для гордости, не для превозношения, но как великое знамение, как великий дух и действие мы должны знать и помнить, что мы спасены. «Мы спасены чрез Веру, и это не от нас. Божий Дар.» Мы спасены подобно тому, как был спасен бесноватый. Мы спасены от всякой нечистоты, от всякого унижения, от всякого страха. И поэтому наше благодарение Богу во Христе должно быть постоянным, ежедневным, ежечасным. Мы всею своею жизнью должны свидетельствовать о Нем. И тогда все, кто имеет живое сердце, откликнутся на Его призыв и придут ко Христу.

Аминь.

Слово на исповеди

Сегодня, как видите, у нас день особый: народу мало, потому что рабочий день, хотя он и воскресный. Поэтому мы будем кратки, чтобы можно было потом лично поговорить со всеми.

Будем молиться...

Вы слышали, священник – только свидетель тому, что вы скажете «на духу». Каемся же мы все пред Господом Богом, Отцом и Сыном и Святым Духом, Который один имеет власть оставлять грехи. И далее, я указал вам на икону. Это распятие Господа. Почему? Потому что мы должны понимать, что когда мы грешим вольно или даже невольно, мы вольно или невольно распинаем Господа своими грехами.

Ведь почему Христос безгрешный оказался на кресте? Из-за грехов человеческих. Потому, что, с одной стороны. Он добровольно взял на Себя все эти грехи как Агнец Божий, готовящийся на заклание, на искупительную жертву, а, с другой стороны, агрессия зла, грех этого мира пригвоздили Господа ко кресту. Не было бы предательства, не было бы зависти, не было бы законничества, поклонения букве, а не Духу – не было бы и страшного распятия Господа, ибо некому было бы Его распинать. Но Его пригвоздили к кресту руками беззаконников, руками грешников (а, к сожалению, все люди оказались этими грешниками, и иудеи, и еллины) для того, чтобы потом Господь приобщил к Богу, искупив Своей Кровью и тех, и других.

Дорогие братья и сестры, мы стоим пред крестом Христовым. Мы должны прежде всего понять это, вдуматься, вчувствоваться в это и понести ответственность за свои грехи, ибо мы ими распинаем Господа. Вот поэтому нам и требуется покаяние, покаяние всецелое, полное. Мы здесь не должны давать себе никакой поправки. И если мы всегда будем взирать на Господа, тогда нам никогда не захочется грешить, ни словом, ни делом, ни помышлением. Потому что кто же из нас, верующих во Христа, захочет распинать Господа на кресте снова? Никто, никогда. Но, к сожалению, мы часто теряем живое чувство Бога... Часто думаем: все так поступают, и я так же буду; ибо и мне не хватает сил, и я не могу сделать ни того, ни этого... И тут-то начинаем грешить, идем на компромиссы с совестью. Прости нас, Господи!

Я напомню вам те грехи, которые вы знаете, с одной стороны, но с другой, о которых нужно вспоминать почаще, чтобы проверить себя, не впали ли мы снова в них.

Во-первых, не унывали ли мы? К сожалению, сейчас в народе очень много уныния. Прости нас, Господи! Люди часто опускают руки. Только увидят какое-то препятствие, сразу пугаются, всего боятся.

И вот, второй грех – этот страх, страх не пред Богом, не страх совершить грех, а страх того, что придется пострадать за добро, за правду. Прости нас, Господи, что мы поддаемся этому дьявольскому страху. В нас никакого страха не должно быть, как и никакого уныния. Никогда. До последнего вздоха, пока мы живем этой жизнью на земле.

Еще мы бываем ленивы. Нам кажется, что, коли у нас много болезней и много постоянных ежедневных забот, то уже больше ничего мы не должны делать ни для Бога, ни для ближних, ибо сил как будто бы для этого нет. А на самом деле они есть, дорогие братья и сестры, просто они нами не собраны. От уныния мы часто бываем расслабленными, а от расслабления приходит лень, из-за которой мы теряем бездарно, впустую время. Прости нас, Господи! Это великий грех. Наряду с унынием один из самых больших грехов, а также с завистью, которая коренится в сердцах многих людей. Кто-то лучше живет, кто-то больше получает, кто-то ездит на машине, у кого-то дача... А у кого-то, может, и нет ничего, а нам кажется, что у него незаслуженно есть все, и завидуем. Прости нас, Господи!

Отсюда рождается осуждение. Мы начинаем постоянно судить всех и вся, часто не проверяя своих суждений, просто потому, что привыкли, извините, болтать языком. Прости нас, Господи! Это тоже великий грех.

Часто мы не боимся быть соблазном для других. Прости нас, Господи! Конечно, не надо лицемерить. Лицемерия как раз у нас достаточно. Прости нас, Господи! Лицемерить не надо, но быть соблазном для других, делать на глазах у человека то, что он не вмещает, что он еще не понимает, тоже не надо. Потому что озлобить человека просто, а привести его к благодатной жизни очень не просто. Укрепить в нем веру, чтобы возгорелась в нем Любовь к Богу и ближнему, вот это не просто. Осадить же человека, знаете, как тесто осаживают, – плюх, и было полно, а осталось на дне – это просто сделать. Если уж Господь нам дал такую закваску, такие дрожжи, чтобы мы восходили все выше и выше, с помощью Духа, то давайте друг друга не осаждайте и, как говорится, «по голове» не бить. Прости нас, Господи, что мы часто бываем «части-телями Духа», как это называется у апостола Павла. Можно и Дух погасить. Прости нас, Господи, за эти великие грехи. Нам часто не хватает Духа, мы жалуемся на это, и сами же гасим Его в себе и других всеми теми грехами, о которых я сейчас говорил.

У нас мало веры. Мы с трудом идем на риск. С трудом, с большим трудом. Если мы не обеспечим себя со всех сторон своими, человеческими гарантиями, то мы уже боимся и шагу ступить. А о том, что нас Господь ведет, и нам помогает, и выводит нас из всех трудных

положений, мы совершенно не думаем. И не надеемся на Господа, потому что веры мало. А Вера, Надежда и Любовь – это грани одного и того же. Это все одно и то же. Нет Надежды – нет и Веры, нет Веры – нет и Любви, и не будем себя обольщать. Если мы надеемся на себя, да на свои силы только, то и не будет у нас ни Веры, ни Надежды, ни Любви. Прости нас, Господи за то, что мы теряем самый драгоценный дар – благодать. «Благодать» в переводе на русский значит «дар Любви». И теряем его только потому, что всего боимся и не надеемся ни на что, ни на кого, кроме себя. А мы обязательно должны действовать, и нам Господь дал силу ума, души, волю, дал физические силы; дал дух, для того чтобы умножать эти дары. Мы же часто их нисколько не умножаем. Мы ими пользуемся только для себя. И это тоже большой наш грех, когда мы пользуемся чем-то, данным Богом, только для себя, в эгоистических своих целях. Прости нас, Господи, что мы транжирим, тратим то, что нам Бог дал, вместо того, чтобы этот талант употребить в дело, как сказано в евангелии, и получить прибыль, умножить свой талант.

Ну, а если есть стыд за свою веру, сомнения в вере, то есть и недостаток благодарности. Потому что если мало веры, то мало и плодов веры. Так за что и благодарить? Мы и цедим сквозь зубы благодарность, а то и вообще считаем, что все только нас должны благодарить, а мы-то еще посмотрим. Прости нас, Господи!

Мы всегда считаем, что все нам должны. Один то, другой то, третий то. А Павел учит нас жить по-другому. Говорит: не будьте никому ни в чем должны, кроме взаимной любви. Вот, где мы должники друг у друга. По-настоящему, здесь и нам должны, и мы должны взаимно. Церковь живет Любовью и скрепляется Любовью. Будет этот цемент, скрепляющий материал между нами, и мы будем единым Телом, как один храм, настоящий, целый. Конечно, сейчас мы все как разрушенный храм и как разрозненные его кирпичики. Нам надо еще соединиться, надо соединиться так, чтобы нас нельзя было оторвать друг от друга, чтобы мы могли друг за друга жизнь свою, душу свою положить. За каждого, до последней немощной бабушки, чтобы ни один человек не думал, что он одинок, что ему тяжело, что если заболит, то он может даже умереть в своей кровати и никто к нему не подойдет. Прости нас, Господи, что мы еще не настолько ценим друг друга, Церковь Божию. Ведь этим мы не просто человека возвеличиваем, мы Церковь Божию чтим, мы в нее верим. Помните, в Символе Веры сказано: «Верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Мы должны верить в Церковь, а значит, верить и друг в друга, в то, что Господь всех нас ведет по одному пути и в то, что мы друг друга никогда не оставим. Да, истинно верующий человек другого не оставит никогда. Если он рядом живет, он зайдет, и если надо молочка принести, хлебушка – принесет, заболел – лекарства привезет, врача позовет, помолится вместе. А кто помоложе, тот и почитает Священное писание вместе, особенно евангелие. Во всем этом у нас с вами должна быть полная уверенность. А если этого нет, то прости нас за это, Господи! Значит, мы еще плохо друг о друге заботимся, мы еще плохо скреплены Любовью. Где Любовь, там человек не будет считаться: я вот это сделал, а мог бы и не делать, я не обязан. Прости нас, Господи, мы еще много считаемся с каждым своим шагом. Прости нас, Господи!

Мы, увы, еще часто гневаемся. Как только что не по нашей воле, так все, не удержать нас. Впадаем в самый настоящий гнев – и молодые, и старые. Прости нас, Господи! И в гневе часто делаем большие, большие глупости. И говорим или думаем иногда слова очень неприличные. Или бываем готовы даже ударить человека. Прости нас, Господи! Сейчас стало легко ударить человека. Это страшное дело. А уж отнять у него что-то, сказать: «Это мое», уж вообще ничего не стоит. Пусть мы, конечно, не грабим на улице, конечно, не убиваем, но прости нас, Господи, чуть ли не все отнимаем по мелочам, у своих же близких, в доме своем родном, как бы говоря: «Вот это мое. Ты не трогай. Только мое, мое, мое!» А если что не нравится нам, повторяю, сразу начинаем впадать в гнев, даже просто в бешенство, в иступление какое-то. Прости нас, Господи!

Иногда даже родители по отношению к собственным детям так ведут себя. Конечно, детей надо воспитывать, надо держать их в строгости. Это само собой разумеется. Но во всем надо знать меру. И уж, конечно, бить ребенка никогда не надо. Можно наказать его, можно, так сказать, шлепнуть, но не бить. Понимаете? Это большая разница. Человек бьет от своего собственного бессилия. Когда кто-то кого-то бьет, это значит, что человек чувствует свое бессилие, что на него напало бешенство, как беснование. Прости, Господи, что мы иногда не боимся впасть в этот чуждый Тебе дух и ведем себя прямо как бесноватые.

И еще. Мы все время стараемся везде утверждать себя. Бываем честолюбивыми, гордыми, носим себя, как будто все в мире вертится только вокруг нас, ценим свои мнения высоко неимоверно: «Вот я так думаю, значит, только так и есть». Прости нас, Господи, за такую близорукость!

Здесь напомню вам слова писания о том, чтобы каждый, каждый из нас почитал другого, всякого другого в Церкви, выше себя. Посмотрите: один трудился, получил духовное или гуманитарное образование, другой, может быть, и не очень образован, но у него большой опыт, он детей воспитал в вере и благочестии, а третий еще какую-то добродетель имеет, трудом своим достиг того-то, четвертый же духовно добрый, благодатный человек, хотя, может быть, и не имеет ни большого ума, ни особой внешней красоты, ни образования. И у каждого есть то, за что можно его искренне полюбить и высоко ценить. Только нам нужно это разгадать в ближнем, мы должны это в нем поискать и увидеть.

Бывает, увы, и так, что дети забывают своих родителей и не ценят их. Прости, Господи, наши грехи против наших родителей! Мы не только подчас считаем, что если они пожилые, то их можно и не слушать, но бывает и так, что мы вовсе не заботимся о них. А дети всегда должны заботиться о родителях. Во-первых, о их чести, как сказано: «Чти отца твоего и мать твою». Это для нас закон. Что бы мы ни делали и какими бы ни были наши отношения с родителями, честь им воздавать надо. Как и всякому человеку, который старше нас или выше нас по положению, пусть даже по нашему мнению он и не такой хороший человек, каким бы должен был быть. Апостол Павел говорит: воздавать кому честь – честь, то есть не бесчестить ни старого человека, ни человека начальствующего.

Но это не значит, что мы должны быть подхалимами или рабами. А часто бывает, что перед начальством, в том числе церковным, мы склоняемся как рабы, достоинство свое теряем. Прости, Господи! Но честь воздавать необходимо. Еще в Ветхом завете есть слова о том, что надо встать, если увидишь человека с сединой, входящего в дом. А мы часто и седину других не чтим, и стыдимся своей седины. Прости нас, Господи! Поэтому и другие нас же не уважают.

Еще нам до сих пор бывает трудно прощать других, прощать реально, в сердце своем. Не просто внешне. Внешне улыбаться друг другу сейчас люди научились, всем подряд улыбаются, даже тому, кому, может быть, и не надо руки подавать, а все равно улыбаются и все равно десять раз кланяются, хотя внутри себя его и в грош не ставят.

И вообще, в нашей жизни есть грех духовного рабства. А мы должны быть свободными, потому что нас освободил Бог, и вера наша приводит нас к полной Свободе в Боге. И апостол Павел пишет: «Где Дух Господень – там Свобода». А мы живем как рабы. И дома, и везде, как рабы – рабы обстоятельств, рабы людей, рабы вещей, рабы идей. Прости нас, Господи!

Мы к тому же не бываем строги к себе настолько, чтобы никакой лжи не входило в наше сердце. Мы позволяем себе лгать. Мы иногда и сами себе лжем, перед собою лжем, знаем, что лжем и себя убеждаем: нет, на самом деле это так. Прости нас, Господи, за это малодушие и двоедушье! Мы постоянно служим направо и налево двум, трем, десяти господам. Прости нас,

Господи!

Не можем сдерживать своих телесных потребностей. Кто впадает в обжорство, кто курит, кто пьет, кто что делает. Конечно, особенно молодежь, которую часто сызмальства специально заражали ложной идеей, типа: все, что естественно, то не безобразно. Прости, Господи, что и мы верили таким лживым вещам. Забыли, что нам надо воздерживаться, уметь держать себя в руках во всех отношениях и всегда.

Так же надо воздерживаться от дурных мыслей и дурных греховных пожеланий, надо уметь не услаждаться никакими греховными пожеланиями. Прости нас, Господи, что мы не умеем себя сдерживать, не умеем себя держать в руках, не умеем быть господами самих себя. А это совершенно необходимо.

А для того чтобы уметь проверить, насколько мы держим себя, нужна какая-то аскеза. Посты для чего нам даны? Они и дисциплинируют нас, они и помогают нам воздерживаться от излишних внешних потребностей, в том числе материальных, чтобы они не разрастались, поглощая собою все в нашей жизни, даже наши духовные потребности. Поэтому пост имеет великое действие, и к посту надо относиться, конечно, более строго. Другое дело, что пост должен быть посильным. Никогда не надо чего-то делать сверх сил. И Бог ничего от нас не требует и не просит сверх наших сил. Ничего!

Но дисциплина духовная должна быть. Как нам часто ее не хватает! Как часто мы бываем расхлябанными в делах. Например, можем пообещать и не сделать. Прости нас, Господи, если такое случается! Многие даже считают, что такая расхлябанность – наша национальная черта: люди западные дисциплинированы, а вот восточные – одна безалаберность и расхлябанность. Так вот, прости нас, Господи, и помоги быть примером во всем: и в делах, и в словах, чтобы мысли наши были светлыми, ясными, чистыми, благодатными, чтоб мы жили всегда по-настоящему в радости, любви и мире.

Это то, что дает нам Господь как дар. Только этим даром надо уметь пользоваться, надо, как тот талант, умножать.

Я думаю, что на сегодня нам достаточно того, что я сказал. Но если кто-то из вас имеет такие грехи, которых я не назвал, а сердце ваше осуждает вас, то немедленно, сейчас же покайтесь пред Богом, сразу принесите в сердце своем молитву покаяния.

Так и всегда делайте. Если впали вы невольно в какой-то грех (я уж не говорю вольно, это не дай Бог), сразу приносите молитву покаяния. Сразу, тут же. Не ждите, когда вы придете на исповедь. На исповедь вы должны принести уже плод покаяния. «Принесите плоды, достойные покаяния», – говорил св. Иоанн Предтеча. Вот к чему нас призывает писание. А просить Бога о помощи, о том, чтобы Он исправил нашу жизнь и простил нас, надо сразу. Сразу, как только мы чувствуем в этом потребность.

Что же, теперь давайте молиться...

Слово после литургии

Мы совершили причастие. Когда с нами Бог и мы друг с другом, вот тоща и праздник, дорогие братья и сестры. Пусть это станет для нас законом духовной жизни. Давайте постараемся быть всегда с Богом, жить так, чтобы Бог всегда был в нас, чтобы наше исповедание веры было истинным, добрым и светлым, были так скреплены любовью, этой совершенной связью, чтобы слиться в единое святое тело Церкви, по Духу узнавать каждого нашего брата, каждую нашу

сестру. Не по внешности, не по человеческой характеристике, а по Духу, как мы по Духу узнаем, что крещены. Вот это праздник, вот это радость, дорогие братья и сестры. Мы, конечно, радуемся всему, что Господь нам дает. А Господь нам дает очень много. Самое главное – радость единства, радость любви, радость свободного духа. Мы ценим это и благодарим Господа. Давайте вынесем сейчас за двери этого храма то, что подарил Господь нам, что вложил Он в храмы наши духовные – в наши сердца. Давайте вынесем это все для того, чтобы служить теми Дарами, которые получили. Служить Богу и ближним, служить всем людям, даже бесноватым, как сегодня мы слышали. Потому, что мы часто просто заботимся о людях, а надо более того – им служить, стараться исцелить их, освободить их душу, дух и тело. Связывает ли болезнь, связывает ли беснование даже, связывают ли обстоятельства – все это должно быть разрешено, развязано.

Вот, дорогие братья и сестры, будем стремиться вперед, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе, забывая все прежнее, все те трудности, страдания, которые нам приходилось еще так недавно переживать.

Тут я хочу вам сообщить, что вчера у нас было приходское собрание. Я просил вас молиться, и я верю в ваши молитвы. Конечно, Господь нас не оставил, и мы в радости духовной завершили вчера это собрание, хотя вопросы были у нас важные. Мы говорили о восстановлении нашего храма, о том, какие препятствия на этом пути есть, что надо сделать. Мы переизбрали старосту для того, чтобы лучше шли у нас дела. Конечно, никого из прежних наших помощников мы не отвергаем, пусть они помогают. Но если находятся люди, которые могут помогать больше и лучше, то мы, конечно, уступаем им дорогу. Мы надеемся, что все вы тоже будете помогать старосте, потому что ей придется работать старостой, как освобожденному от другой работы человеку. И, значит, все свое время, все свои силы посвящать прежде всего храму. Вот если мы хотим до Нового года перейти в храм, а мы хотим хотя бы вот эту заднюю часть завершить уже к Новому году, то нужна помощь. Помните об этом. Слава Богу, и храни вас всех Господь.

Аминь.

11 ноября 1990

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так

же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

: Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...»

Церковная жизнь 14 мин.

Митрополит Антоний – бессменный глава Лондонского православного прихода. В России, несмотря на редкость его приездов, он пользуется не меньшим авторитетом, чем на Западе, целые тома его проповедей расходятся в самиздате, а службы его, обычно в дальних церквях, привлекают множество верующих, которые также слушают регулярные трансляции Би-би-си из русского православного собора в Лондоне.

- Владыко, может быть, издалека лучше видны те процессы, которые происходят в русской церкви у нас на родине?

- Знаете, издалека кое-что видно, может быть, ясней, а кое-что совсем не видно, потому что русская действительность настолько сложная, в ней столько различных течений, что можно кое-что уловить, а очень многое пропустить. Мне кажется, что Русская церковь выжила благодаря любви русского народа к богослужению, к литургической красоте, о которой говорил Нил Сорский. Я сейчас говорю не о специфической Иисусовой молитве, а о том общении живой души с живым Богом, происходящем внутри богослужения, но не обязательно зависящем даже от понимания его, а просто от предстояния перед живым Богом и от того, что живой Бог находится в нашей среде.

Чего, конечно, не хватает Русской церкви – это образованности рядового верующего в вопросах веры. Еще в XIX веке Лесков писал, что Русь когда-то была крещена, но не была просвещена. И действительно, русский человек знает Бога нутром, душой. Как где-то говорит Лесков, у него «Христос за пазухой». Но, с другой стороны, ему нужно еще приобрести очень много знания, не какого-то особого, а просто глубинного понимания значения, например. Символа Веры, значения Господней молитвы. И в результате, у нас в России, мне кажется, очень много людей, которые не могли бы защитить свою веру при нападении на нее, отстоять ее на диспуте, но

которые смогли бы умереть за нее, потому что они знают всем своим существом, нутром своим, что то, во что они верят, – правда, истина, жизнь. Поэтому сейчас стоит перед Церковью вопрос о том, как образовать верующий народ, как преподать ему веру. Во-первых, Евангелие. Евангелие в течение нескольких десятилетий было недоступной книгой. Надо каким-то образом эту книгу так распространить среди народа, чтобы побольше людей ее читали и жили тем, что является живой силой, огнем, животворной силой нашей веры, словами и образом самого Христа Спасителя. С другой стороны, необходимо, чтобы люди понимали то богослужение, в котором они участвуют. Не потому, что нужно какое-то умственное понимание, а потому, что богослужение так построено, чтобы передавать существо и содержание нашей веры, и чем больше его понимать – тем больше можно углубиться и в содержание православия. Поэтому сейчас есть две задачи, решать которые, вероятно, будет все больше возможностей. Одна – это образовывать мирян: в кружках, на открытых собраниях, на катехизических курсах. Другая задача, которая также сейчас приобретает все большее значение, – обучать молодое духовенство. Сейчас открывается четыре новых еще не семинарии, а курсов для подготовки духовенства, и это очень важно. Тут, конечно, надо еще оговориться, что не только богословское образование делает человека способным стать священником.

Быть священником – это искусство. Есть вещи, которые богословская школа не преподает, потому что она занята всецело богословским образованием. Я встречал многих молодых священников, которые недостаточно подготовлены во многих областях, которые не вошли еще в приходскую жизнь. Например, как исповедоваться и как учить других исповедоваться, как исповедовать других. Из каких источников произносить проповеди. Духовные писатели, отцы духовные говорили на различные темы, но проповедь говорится от сердца, говорится себе самому. Если она тебя не ударила в сердце, она никого не ударит в сердце. Если она не течет из твоего ума, переживаний, то она и другим не передастся. Дальше – вопрос, который я уже затронул: о том, как самому научиться молиться не только словами, не только уставно, но и глубоко, и как вести других в тайну этой молитвы. И наконец, еще одна проблема. Многие – и епископы, и священники, и миряне – ко мне приходили после Собора и говорили со мной в таком духе, что вот мы воспитаны в тоталитарном, авторитарном государстве. Мы привыкли к тому, чтобы нам говорили, что делать; не говоря уж о том, что многие ждут, чтобы им говорили также – что думать, но теперь перед нами новая задача; нам нужно научиться принимать решения и делать выбор, и мы не знаем, как это делать. Один очень образованный, тонкий человек так и спросил: «Скажите, как это делать?» Я ответил, что нет, если я Вам скажу, как это делать, то вы это сделаете опять-таки под властью, а Вам надо самому учиться думать, поступать по совести, рисковать собой (я не говорю сейчас житейски), рисковать, брать на себя риск, что Вы ошибаетесь, и вдумываться в то, что у Вас получается, а в чем Ваши ошибки.

– Это, конечно, самое главное, но возникает и другой смежный вопрос. Достаточно понятно, что происходило в очень долгие годы угнетения церкви, неизвестно, кончился ли этот период, но, по крайней мере сейчас, в русле перестройки, церковь обретает несколько другой статус. Но не таит ли это новой опасности подобного же рода, не чреваты ли эти пока что хотя и более чем ограниченные свободы каким-то дальнейшим неблагоприятным развитием в направлении взаимодействия с государством?

– Политический конформизм – это болезнь Русской Церкви издавна. Еще до революции Церковь и государство составляли как бы единую гармонию, причем не всегда отрадную для Церкви. После революции Церковь замолчала. В период угнетения и крайних гонений политически высказываться никому не приходилось. И для того, чтобы научиться думать политически, говорить политически изнутри Церкви, нужна долгая, вернее, углубленная, прошколенность. Церковь не может быть принадлежностью какой бы то ни было партии, но она вместе с тем не беспартийна и не надпартийна. Она должна быть голосом совести,

просвещенной Божьим светом. В идеальном государстве Церковь должна быть в состоянии говорить любой партии, любому направлению: это – достойно человека и Бога, а это – недостойно человека и Бога. Конечно, это можно делать из двух положений: или из положения силы, или из положения предельной беспомощности. И вот мне кажется, я в этом глубоко убежден, что Церковь никогда не должна говорить из положения силы. Она не должна быть одной из сил, действующих в том или другом государстве, она должна быть, если хотите, так же бессильна, как Бог, Который не насилует. Который только призывает и раскрывает красоту и истину вещей. Который не навязывает их, и как наша совесть, которая нам подсказывает правду, но которая нас оставляет свободными прислушиваться к истине и красоте или от них отказаться. Мне кажется, что Церковь должна быть именно такой; если Церковь занимает положение одной из организаций, которая имеет власть, которая имеет возможность принудить или направить события, то всегда остается риск, что она будет желать властвовать, а как только Церковь начинает властвовать, она теряет свое самое глубинное существо – любовь Божию, понимание тех, кого она должна спасать, а не ломать и перестраивать.

- И наконец, Владыко, это вопрос чрезвычайно общий, но так как из Ваших книг и проповедей мы знаем, что Вы очень глубоко присматриваетесь к тому, что происходит в жизни, происходит в мире, то скажите, как Вы оцениваете положение христианина в современном мире, со всем, что сейчас в нем происходит?

- Это вопрос трудный, потому что то, что мне хочется сказать, вероятно, обидит многих. Мне кажется, что сейчас весь христианский мир, включая и православный мир, страшно отделился от простоты, от цельности и от ликующей красоты Евангелия. Христос со своей группой учеников создал Церковь, которая была до того глубока, до того широка, до того цельна, что содержала в себе всю Вселенную. Мы за столетия сделали Церковь одним из обществ человеческих. Мы меньше мира, в котором мы живем, и когда мы говорим об обращении этого мира в христианство, мы говорим, в сущности, о том, чтобы всех, сколько только возможно, людей сделать членами ограниченного общества. Это мне кажется, грех наш. Мы должны понять, что Церковь христианская, верующие должны стать верующими не только по своему мировоззрению, но и по жизни, по своему внутреннему опыту, и что наша роль состоит в том, чтобы в этот мир, где так темно, где порой так страшно, принести свет. Пророк Исайя в одной из глав своей Книги говорит: «Утешайте, утешайте народ мой», – это слова Божии к нему и, конечно, к нам. «Утешайте» – это значит – поймите, в каком горе весь мир: и материально, и по своей растерянности, и духовно, по своей обезбоженности. Это значит – принесите в этот мир утешение, ласку Божию, Любовь Божию, заботливость Божию, которые должны охватывать всего человека. Нет смысла говорить человеку о духовном, когда он голодает, – накорми его; нечего говорить о том, что человек в своем мировоззрении ошибается, когда мы не передаем ему живой опыт живого Бога. И вот наше положение в современном мире – это положение подсудимых. Мир в своем отказе от Бога и от Церкви нам говорит: «Вы, христиане, ничего нам не можете дать, что нам нужно. Бога вы нам не даёте, вы нам даёте мировоззрение. Оно очень спорно, если в сердцевине его нет живого опыта Бога. Вы нам даёте указания, как жить, – они так же произвольны, как те, которые нам дают другие люди». Нам надо стать христианами, христианами по образу Христа и его учеников, и только тогда Церковь приобретет не власть, то есть способность насиловать, а авторитет, то есть способность говорить такие слова, что при слышании их всякая душа дрогнет и во всякой душе откроется вечная глубина. Вот, мне кажется, наше положение и состояние сейчас.

Может быть, я пессимистически отношусь к нашему положению, но ведь мы не христиане. Мы исповедуем Христову веру, но мы изо всего сделали символы. Вот мне всегда в душу ударяет наше богослужение на Страстной. Вместо Креста, на котором умирает живой молодой человек, – у нас прекрасное богослужение, которым можно умиляться, но которое стоит между грубой,

жуткой трагедией и нами. Мы заменили крест – иконой креста, распятие – образом, рассказ об ужасе того, что происходило, – поэтически-музыкальной разработкой, и это, конечно, доводит что-то до человека, но вместе с тем человеку так легко наслаждаться этим ужасом, даже пережить его глубоко, быть потрясенным и – успокоиться, тогда как видение живого человека, которого убивают, совершенно иное. Это остается как рана в душе, этого не забудешь, увидев это, никогда не можешь стать таким, каким был раньше. И вот это меня пугает, – в каком-то смысле красота, глубина нашего богослужения должны раскрыться, надо прорвать его, и через прорыв в нашем богослужении провести всякого верующего к страшной и величественной тайне того, что происходит.

- Да, это очень глубокая мысль. Ведь современный мир так налажен, так устроен, что, в принципе, он может как бы существовать и без Бога, без духовности. Он катится отработанным образом, и в нем можно благополучно проспять всю жизнь и умереть.

- Но что мне кажется еще страшнее, это то, что можно называться христианином и прожить всю жизнь, изучая глубины богословия, – и никогда не встретить Бога. Участвуя в красоте богослужения, будучи членом хора или участником служб, – и никогда не прорваться до реальности вещей. Вот что страшно. У неверующего есть еще возможность уверовать, у псевдоверующего эта возможность очень затуманена, потому что у него все есть: он может объяснить каждую деталь и богослужения, и Символа Веры, и догматики, а вдруг оказывается, что Бога-то он и не встретил. Он успокоен. У Лескова, опять-таки, есть место, где об одном человеке говорится: «Представьте себе, он до Христа дочитался!» А собеседник говорит: «Ну, тогда нет никакой надежды его изменить». Вот если бы мы могли через богослужение, через Евангелие, через все, что у нас есть, действительно «дочитать до Христа», а не остаться по сю сторону. Я верующим стал через Евангелие и через живую встречу с Христом. Все остальное пришло потом, и все остальное для меня остается или прозрачным – не закрывает от меня того, что я пережил когда-то, – или я на это реагирую с острой болью: как можно на Страстной, например, петь с легкостью некоторые вещи, которые трагичны! Как можно, скажем, освящая Святые Дары, прислушиваться к музыке «Тебе благословим...», а не дать себя нести этим пением в те страшные божественные глубины, где происходит освящение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы! Мне – я человек немзыкальный – вообще непонятно, как можно в эти моменты петь, мне кажется, что надо было бы, чтобы все оцепенели в созерцательном ужасе. И когда слышат слова «И сотвори хлеб сей...», я не хочу даже повторять слов освящения. Но это, конечно, моя реакция, не хочу сказать, что она верная, потому что знаю людей, в тысячу раз более духовно сознательных и одаренных, нежели я, которым это все не мешает, которых это, наоборот, несет в те глубины, но я знаю и многих, которые на этом останавливаются. Нужен огромный опыт молитвы в пределах богослужения, чтобы это богослужение перестало существовать само по себе, стало бы просто незаметным, как для рыбы незаметна вода, в которой она плавает[1].

[1] Литератор. Ленинград, 1990, №35,40).

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви

Церковная жизнь 36 мин.

Введение

Е.Е. Голубинский (1834-1912) — выдающийся историк Русской церкви, профессор Московской Духовной Академии, действительный член Императорской Академии Наук.

Глубокий ум, необычайная широта сознания и независимость суждений отличали Е.Е. Голубинского, и эти дарования определили жизненное призвание ученого-историка как историка-критика. Ему принадлежат слова: «Предоставляя желающим и производящим быть сторонниками истории тупой или лгущей, я, со своей стороны, есть горячий сторонник истории настоящей». Известный историк С.А. Белокуров вспоминал о своем учителе: «Будучи человеком прямолинейным, Евгений Евстигнеевич любил все называть своими словами, не подыскивая каких-либо более мягких выражений.. Он был из колена Левиина, рос среди крестьянской бедноты на приходские приношения и воспитывался под нуждою в духовных школах».

Испытав на себе всю остроту суровой реальности, Голубинский научился рассматривать историческую общественную и духовную жизнь России в ее истинном свете, без прикрас.

В 1880 году выходит в свет основной труд Е.Е. Голубинского «История Русской церкви». Свободно-критический характер монографии вызвал гнев «охранителей» церкви во главе с известным обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым. Голубинский был на долгое время причислен к списку неблагонадежных писателей.

После выхода второго тома «Истории» Победоносцев неожиданно изменил свое отношение к Голубинскому. Окончательная его реабилитация в синодальных «сферах» произошла в 1903 г.

В то время готовилась канонизация Серафима Саровского. Комиссия, освидетельствовавшая мощи, нашла лишь одни кости. Произошло смущение и растерянность. Однако благодаря книге Е.Е. Голубинского «История канонизации русских святых» неопределенность ситуации была полностью устранена. В ней приводились доказательства того, что святые канонизируются не за нетление мощей, которое необязательно, а за святую жизнь и посмертные чудеса.

В 1905 г. было учреждено Предсоборное Присутствие, готовившее Поместный Собор Русской церкви и рассматривавшее реформы, в которых нуждалась, как и нуждается теперь, наша церковь. Е.Е. Голубинский был приглашен участвовать в Предсоборном Присутствии. Предложения о необходимых реформах ученый высказал в шести статьях, опубликованных С.А. Белокуровым уже после смерти своего учителя в 1913 г.

В предисловии С.А. Белокуров писал: «Будет оскорблением памяти почившего думать, что при раскрытии недостатков Русской церкви им руководило какое-либо иное чувство, кроме искреннего желания ей блага, желания улучшения ее жизни, желания оказать ей посильную помощь в этом деле. Он был сын, искренно любивший свою мать-Церковь, и выставлял недостатки ее не для того, чтобы глумиться над нею, а чтобы чрез обнаружение их освободить ее от них».

Церковь и государство

В 1881 г. Е.Е. Голубинский написал статью «Благие желания (*pia desideria*) относительно Русской церкви». Опубликованная 110 лет назад, сегодня она кажется написанной именно для нас. Думы и заботы всех русских людей, которые, возвышаясь над живущею непосредственным образом массой, несколько мыслят, болезненно сосредоточены на том, что наше государство, столько далеко стоящее позади других и так медленно двигавшееся доселе по пути развития, должно, наконец, стать на этот путь твердо и решительно и, не колеблясь, пойти по нему со всей энергиею...

Истинную задачу всякого государства составляет не то, чтобы оно заботилось о возвышении своего политического могущества, от которого большинству его жителей ни тепло, ни холодно и которое удовлетворяет только честолюбию немногих, а то, чтобы оно пеклось о гражданском благополучии народа, чтобы оно стремилось всем доставить средства жить по возможности не худо. Мы, русские, слишком достаточно заботились о политическом могуществе нашего государства и пора, наконец, приняться за заботы о гражданском благосостоянии нашего народа. Что простой народ наш живет слишком бедно и худо, — так бедно и худо, как нигде в Европе и, может быть, не везде в Азии, это составляет факт, отрицать который не решаются, наконец, и самые отважные лицемеры. Причин крайне незавидного положения у нас простого народа две: внешне-социальные суровые условия и внутренняя невоспитанность его самого. Чтобы поднять благосостояние народа, нужно устранить обе причины и никак не одну только: поставьте народ в самые благоприятнейшие социальные условия, наделите его всевозможными льготами и просто дайте ему денег, — если не будет устранена другая причина, из этого ничего не выйдет, кроме того, что процветут кабаки и что народ ниспадет еще на низшую степень бедности, совсем, что называется, промотается и оголеет. Постепенно отстранять

внешние неблагоприятные условия и создавать условия благоприятные есть собственно дело государства; но задача нравственного воспитания народа есть не его задача, для него невыполнима (что особенно ясно после 70 лет «коммунистического воспитания». — А.П.), и в сем случае оно необходимо должно обратиться к помощи церкви и к ее священникам. Народ наш предан пьянству не только в лице городских ремесленников-пролетариев, как это почти везде, но и в лице всего своего земледельческого сословия, как это нигде. Пока не будет достигнуто, чтобы народ наш стал по возможности трезвым, до тех пор будут бессильны и недействительны все внешние старания об улучшении его быта: но это может быть достигнуто только при помощи священников (точнее, Церкви. — А.П.)... Тут предстоит двойной труд — сначала нужно сделать трезвыми самих священников (см. ниже главу о нравственности духовенства. — А.П.) и потом уже возложить на них обязанность (миссию) сделать трезвым народ; но именно этим, хотя и удлиненным, путем, а не каким-нибудь другим может быть достигнута цель. Язва и болезнь пьянства не позволяют нам простирать наши мечты далее трезвости, то есть заставляют нас ограничивать наши мечты; но трезвость не составляет всего, что может дать нравственное воспитание народа и чем обуславливается его благосостояние. Всякому читателю, полагаем, приходилось встречать известия о сектантских общинах, представляющих из себя образцы благоустроенности и процветания, — как в них все не только трезвы, но и трудолюбивы, честны, расположены помогать друг другу, как поэтому в них вовсе нет той лохматой бедности, которой до такой степени изобильно у нас. У сектантов сделало это нравственное воспитание, и если это возможно у них, то, конечно, возможно и у нас. Скажут, что на сектантов влияет их исключительное положение. Но протестантизм есть вера целых народов, которые нисколько не находятся в исключительном положении: и до какой степени нравственное воспитание церкви, через пасторов, подняло там благосостояние народов! Потрудитесь узнать, например, о соседней нам Швеции, до какой степени народ обязан в ней своим благосостоянием церкви!

У людей мирских, которых занимает вопрос о благе государства, существует предубеждение против церкви, как об области, не имеющей ничего общего с государством, потому, что составлены превратные о ней представления. Церковь учит людей ходить в церковь, соблюдать посты, а какое дело до этого государству? Но церковь учит и должна учить не одному только этому, но и многому другому. Церковь учит и должна учить людей иметь все те добрые качества, которые мы желали бы видеть в наилучших гражданах; она учит нравственности христианской, а нравственность гражданская вся объемлется нравственностью христианской, как меньшее целое большим целым...

Таким образом вопрос о том, в каком положении находится церковь, есть не только вопрос для самой церкви, но имеющий безусловно существенное значение вопрос и для государства... Будучи необходимой помощницей для государства в достижении его целей, церковь имеет свои собственные и свои прямые цели, более важные и более высокие, чем цели государственные...

Что наша Русская церковь и как помощница государства, и как исполнительница своих прямых целей совершенно далека от положения сколько-нибудь удовлетворительного и еще заставляет желать очень иного, — это составляет печальную, но бесспорную истину, которую оспаривать имеют охоту только те, кто личным образом заинтересован в том, чтобы все оставалось в церкви так, как доселе есть. Следовательно, как в интересах государства, так и в интересах самой церкви не может не быть признано предметом настоятельных желаний то, чтобы церковь, подобно государству, не отставая от него, если уж не показывая ему пример, что долженствовало бы быть, усвоила сознание необходимости своего самоулучшения.

Предложенные Е.Е. Голубинским реформы призваны были обновить жизнь церкви на всех уровнях — от прихода до высшего церковного управления.

Христианское просвещение и нравственность

Источник всех бед нашего народа Е.Е. Голубинский видит в отсутствии христианского просвещения.

Мы приняли от греков христианство, но не заимствовали от них вместе с христианством просвещения, вследствие чего все наше общество, включая приходских священников, стали людьми не образованными, а еле-еле грамотными...

Просвещение отсутствовало у нас как во всем обществе, так и в духовенстве, до времен Петра Великого; до того же времени и наши священники не могли быть учителями народа. Со времени Петра у нас начало вводиться просвещение как во всем обществе, так и в духовенстве, и, наконец, до некоторой степени совсем ввелось, так что в настоящее время ставят в священники непременно и исключительно людей получивших настоящее общее и богословское образование (в наше время богословское образование снова редкость. — А.П.). И однако наши приходские священники и до сих пор остаются для народа только совершителями церковных служб и треб... Это значит, что священники наши не спешат воспринять на себя обязанности, которые слишком долгое время не были у нас исполняемы и что они имели бы решительное желание оставаться при столь льготных для них старых порядках...

Иные у нас полагают, что священники наши уже исполняют лежащую на них обязанность быть учителями, ибо сказывают проповеди...

Церковная проповедь, как бы она ни была хорошо поставлена и ведена, вовсе не представляет собою средства для научения людей вере и нравственности; она имеет значение дополнительное к настоящему научению, — и несколько не маловажное, а, напротив, очень важное, как средство напоминания им об истинах веры, как средство постоянного возгревания уже насажденного в людях духа благодати.

Единственное действительное средство научать людей настоящим, а не воображаемым только образом есть систематически-школьное обучение науке о вере или катехизису и науке о нравственности или этике (нравственному богословию)...

Есть нравственность истинно христианская и есть нравственность только мнящая себя таковою, нравственность фарисейская.

У нас в России, по нашим историческим обстоятельствам, слишком много утвердила свое господство нравственность фарисейская, и должно, наконец, позаботиться о том, чтобы сокрушить ее господство и оставить власть единственно за нравственностью истинно христианской и истинно евангельской.

Мы, русские, очень долгое время остававшиеся без света просвещения, впали в ту крайность, чтобы все христианство и все христианское благочестие полагать в наружном богопочтении или внешней набожности.

В XVI веке среди русского общества явился пророк, посланный отъинуду (откуда-то), который возвысил свой голос против фарисейского благочестия наших предков; это — знаменитый преп. Максим Грек. Но обличения одного человека, хотя смелые и беспощадные, как обличения древнего Илии Фесвитянина, не в состоянии были пересоздать общество...

Нет особенной нужды в нарочитых стараниях об укреплении в нашем народе привязанности к внешней молитве и вообще наружной набожности, ибо он и без того привержен к ней и

нисколько не сомневается в ее необходимости, а и крайне преувеличивает ее значение (т.е. впадает в магизм. Это зло сохранилось, а добродетель молитвы, к сожалению, многими из нас ныне утеряна. — А.П.); но стоит самая неотложная нужда в самых нарочитых стараниях о насаждении и возвращении в нем христианской нравственности. Простой народ наш во внешнем поведении омерзительно сквернословец, затем безобразно пьян, не сознает обязанности быть трудолюбивым, совсем не знает, что такое христианская совесть (припомните наших ремесленников и их возмутительную склонность к обманам), в своей семье и со своими несчастными рабочими-животными — безобразный варвар. Наши купцы, столько усердные к внешней молитве, столько приверженные к храмам и теплящие в своих лавках неугасимые лампадки, до такой степени мало наблюдают честности в торговле, что можно подумать, будто они лампадки теплят затем, чтобы Бог помогал им обманывать людей. Наши чиновники, от верху до низу, давно ли перестали, и перестали ли совсем, — представлять собой олицетворение тех пороков, которые свойственны их званию?

Стараться воспитывать детей так, чтобы из них выходили люди не одной наружной тщетной (самой по себе) молитвы, но и истинные христиане, — в этом должны поставлять свою задачу наши священники при преподавании детям христианского нравоучения.

Обязанности священников по отношению к прихожанам суть те же, что обязанности родителей по отношению к детям, почему они и называются духовными отцами. Научив вере и нравственности христианской каждого своего прихожанина в его детстве, священник обязан потом постоянно поддерживать их в нем и укреплять. Средства сего суть церковная регулярная проповедь и затем учительные беседы с прихожанами и увещательные речи к ним, как говорит апостол, «благовремение и безвременне».

Приходские училища и духовенство

Для систематического научения вере и нравственности Е.Е. Голубинский полагает необходимым при каждом приходском храме устроить приходские училища. Но в этих приходских училищах не удастся собрать всех детей по отдаленности многих деревень от сел.

«Совершенно помочь этому злу может только отдаленное время, когда умножится у нас и станет богаче сельское население. Но до некоторой степени оно может и должно быть устраняемо сейчас же. Слишком большие приходы явились у нас по побуждениям не церковно-приходским... Для крестьян может быть затруднение в построении церквей; но гораздо предпочтительнее то, чтобы они молились в деревянных и скромных церквях, нежели то, чтобы деревни отстояли от сел на 15 верст и более».

Голубинский указывал, что поскольку обязанность учить народ составляет непрременную и существенную обязанность священника, то исполнять ее они должны даром. Вознаграждение к ущербу для их авторитета должно превращать их в наемников. Но вполне допустимо увеличить священникам их оклад на приходах.

Преподавание требует постоянного приготовления к урокам. Но значительная часть наших священников, хотя бы имела желание быть усердными и добросовестными, — должна оказаться в сем случае несостоятельной, отчасти по условиям быта, отчасти по тому способу, как у нас совершаются некоторые приходские требы. Значительная часть наших сельских священников суть в то же время крестьяне, обрабатывающие принадлежащую церквям пахотную землю... Обязанность, как должно, учить детей в школе, обязанность, как должно, учить народ посредством проповедей, обязанность, как должно, поучать тот же народ при всяком случае, вообще обязанность быть учителем в самом широком смысле слова, требует того, чтобы человек оставался среди книг, чтобы он имел время размышлять и обдумывать,

чтобы он не подавлял в себе духовно-мыслящего и чувствующего человека. Но земледельчество, как оно ни почтенно само по себе, не только совершенно отнимает у священника время и возможность для надлежащего исполнения им его обязанностей, как народного учителя, но подавляет в нем и всякую способность к сему, так что человека хватает, наконец, только на то, что суть наши священники в настоящее время, — быть механическими совершителями церковных служб и треб, и более ничего. В продолжение всего лета крестьянские работы от восхода солнца до вытухания вечерней зари; в продолжение зимы, чуть не целый день, заботы о скотине, которая содержится для земледельчества, в приготовлении ее корма и в самом кормлении, — когда тут о книжках, когда тут думать и размышлять... Всякому можно личным образом наблюдать, как земледельчество в непродолжительное время изменяет семинариста, поступающего в священники: человек поступает на место исполненный благих мечтаний; но проходит три-четыре года — человек просто грамотный крестьянин, и более ничего; самая наружность человека совершенно изменяется: вместо тщательной заботы о приличии вы видите совершенно крестьянскую и совершенно распушенную неряшливость.

Итак, священники должны быть избавлены от земледельчества. (В наше время вместо учительства священники, к сожалению, вынуждены значительную часть своего времени отдавать хозяйственным заботам и ремонту храмов. — А.П.).

Требы, которые могут отвлекать священников от аккуратного хождения в училища для учения, суть причащения больных и крещение. Для исполнения той или другой требы священники возятся в приход, и если деревни отстоят от села далеко, то на это тратятся целые дни, особенно в весеннее и осеннее время, когда дороги деревенские и вообще грунтовые дороги становятся невозможными. В приходах неодноклирных это препятствие может быть устраняемо так, что все священники, сколько их есть, должны сообща исполнять обязанность законоучительства, или так, чтобы один был законоучителем, а другое исполняли требы. В приходах одноклирных священники должны убеждать прихожан, чтобы они в случаях маломальской возможности привозили больных для причащения и младенцев для крещения к церквам (что желательно и ради самого достоинства таинств). При таком порядке в тех одноклирных приходах, в которых деревни находятся не в слишком далеком расстоянии от села, священники немного будут терять времени на езду с требами. Для совершенного устранения препятствия мы бы предложили... ставить в такие приходы в помощь священникам настоящим священников-викариев на дьяческой вакансии, из окончивших курс училища, так, чтобы они исправляли требы, а при общественных служениях в церкви были за дьячков.

Как смотрят у нас на приходского священника и в чем полагают его идеал?

Если священник неопустительно и достаточно усердно поет общественные церковные службы и изредка, по праздникам, сказывает проповеди, если без замедления и без проволочек исправляет частные приходские требы, если, одним словом, он исправный священник, если он живет достаточно скромно и прилично, не пьянствуя и не позволяя себе никаких безобразий, то он считается вполне хорошим священником и более от него ничего не требуется.

Но если священник есть пастырь, то где же тут пастырство? Пасты людей значит их воспитывать и руководить, а где же тут эти воспитание и руководство?..

Совершенно существенная обязанность священников... воспитывать людей в вере и нравственности христианской, ибо благодать Божия не спасает людей насильственным образом, а только помогает их собственным, самим по себе недостаточным, усилиям достигать спасения посредством веры и добрых дел... Без благодати невозможно спасение; но и без собственной готовности и без собственных усилий человека благодать останется в нем

бесплодную, сколько бы обильно ему не преподавалась...

Наши приходские священники... не учащие прихожан вере и нравственности, исполняют только половину своих существенных обязанностей, как пастырей.

У христиан Западной Европы до начала XVI в. точно так же, как у нас до сих пор, не было ни малейших помышлений о том, чтобы священники воспитывали народ. Но в начале XVI в. было, наконец, провозглашено там и осознано, что священники обязаны и должны быть для народа учителями, и в настоящее время там и на самом деле это так. Великая заслуга заставить священников быть пастырями принадлежит протестантам (не невозможное дело, что найдутся своеобразно благочестивые люди, которые будут скандализированы тем, что им указывают на пример схизматиков... Но не верх ли нечестия и безумия мыслить, что если у схизматиков то-то и то-то хорошо, то у нас, православных, поелику мы, благодарение Богу, не схизматики, то же самое должно быть худо?)

Нравственное состояние духовенства

Священник есть для своих прихожан учитель нравственности христианской во всем ее объеме; следовательно, он должен быть для них, по возможности, образом и примером всех христианских добродетелей. Как священник не может сделать своих прихожан людьми христиански нравственными чрез одно приказание быть им таковыми, а должен воспитать их в нравственности, — так в свою очередь и священники не могут быть сделаны в требуемой от них мере нравственными чрез одно простое приказание начальства быть им тем, чем они должны быть, а могут быть приготавлиемы только посредством воспитания. Следовательно, чтобы священники являлись надлежащими воспитателями в нравственности народа, для этого требуется, чтобы они сами надлежащим образом воспитывались нравственно в приготавливающих их семинариях. Это переносит нас к вопросу о том, как должны быть нравственно воспитываемы в семинариях будущие священники. К вопросу этому мы возвратимся после, когда будем говорить вообще о семинариях, — как воспитании, так и учении в них; а здесь мы коснемся только одного порока нашего духовенства, в который впадают священники по поступлении на места, несмотря ни на какое воспитание, полученное в семинарии, и который необходимо искоренить между ними отчасти мерами административной строгости, отчасти принятием других соответствующих мер. Порок этот есть пьянство.

Пьянство есть порок нашего духовенства, так сказать, досеминарский, идущий от времен старых и, вероятно, древних. В семинариях, разумеется, не учат пьянству; но поступает человек из семинарии на место, находит там готовую пьяную среду и утопает в ней. Нам приходилось видеть немало примеров, что люди, во время учения в семинарии вовсе не обещавшие быть пьяницами, становились по поступлении на место самыми горькими и самыми жалкими пьяницами. Мы не знаем всего нашего отечества достаточно хорошо, чтобы сказать, насколько еще распространенным остается в нем пьянство среди духовенства. Нас уверяют, что в некоторых губерниях и этнографических местностях оно выводится, или даже и совсем вывелось. От чистого сердца желаем верить, что это правда; но местности, которые мы знаем, еще до сих пор погрязают в пьянстве.

Пока священники остаются погруженными в свое нынешнее пьянство, нечего, конечно, и думать о том, чтобы они стали сколько-нибудь пастырями для народа. Если мы хотим, чтобы священники искоренили пьянство в народе, — а сделать это могут только они, — то, конечно, мы должны начать с них самих. Вообще, искоренение пьянства между священниками (которому и до сих пор, как было в XVI веке, продолжают дивиться иноземцы) есть дело самой первостепенной важности и самой неотложной нужды. Так как зло слишком застарело и

упорно, то и борьба с ним необходима самая энергическая. Во-первых, необходимо усилить надзор за духовенством, которого у нас теперь почти вовсе нет (ибо благочинные почти совсем не составляют надзирателей) и который нужен, кроме нашей причины, и по многому другому; во-вторых, должны быть приложены к делу наказания и карания самые суровые), чтобы не сказать — беспощадные, Муравьевские, ибо, потворствуя, мы будем делать то, что приносить сотни и тысячи людей (каковы прихожане) в жертву единицам.

Наряду с мерами административно-карательными существует в данном случае мера воспитательная, которая, как таковая, прочнее первых и которую поэтому необходимо приложить к делу в полной мере. Это — заведение училищ для девиц духовного звания, так, чтобы женами священников были непременно женщины, получившие образование. Влияние образованных жен на священников, весьма важное в том отношении, чтобы внести в их жизнь порядочность, опрятность и приличие вместо теперешних, почти совсем крестьянских, грязи, неопрятности и неприглядности, несомненно, решительным образом будет содействовать и тому, чтобы искоренить между ними пьянство. К приличной и хорошей жене являться пьяным свиньей из деревни — человека невольно возьмет совесть, и он станет умерять и невольно сдерживать себя, с тем, чтобы дойти, наконец, до убеждения, что радости жизни не в одном грязном пьянстве, как учили отцы, — что хорошая и приличная жена, хорошие и приличные дети и сам с ними как быть человек — гораздо лучше. Не могут не быть приветствованы самыми искренними похвалами те архиереи и духовенства, которые уже завели у себя наши училища. Но они должны быть заведены везде и не по одному на епархию, а в количестве двух-трех и более, так, чтобы по крайней мере все священники, если не все священно-церковнослужители, имели возможность давать своим дочерям училищное образование.

Церковное богослужение и проповедь

Важнейшими средствами нравственного и духовного научения народа, которые должны дополнять первоначальное научение в духовных училищах, постоянно напоминая об истинах веры и возгревая уже насажденный в людях дух благодати, видит церковное богослужение и проповедь.

В первые века христианства церковная проповедь составляла одну из необходимых составных частей общественного богослужения, и именно литургию, так что если совершалась литургия, то непременно была на ней и проповедь или поучение настоятеля, опущение которого было бы то же, что опущение какой-нибудь из частей литургии, которые признаются в ней необходимыми, то же, например, что опущение чтения апостола или евангелия, пения «Верую» или «Отче наш». С течением времени, по мере распространения между настоятелями церковей невежества и нерадения, проповедь начала становиться все реже и реже и, наконец, смолкла. Церковная проповедь представляет собою необходимое средство постоянного поддержания и укрепления в прихожанах истин веры, а преимущественно и в особенности правил нравственности христианской. Без предварительного данного прихожанам систематически-школьного христианского образования она имеет весьма мало смысла; но при этом условии она — весь свой смысл, как сейчас указанное средство. Если мы хотим, чтобы священники наши стали истинными пастырями своих прихожан, то у нас непременно должна быть восстановлена церковная проповедь в том виде, как она существовала в первые века христианства, а именно — чтобы она стала необходимой и совершенно регулярной принадлежностью воскресной и праздничной литургии.

Наши теперешние священники, конечно, найдут это требование невозможным, потому что в настоящее время сочинение проповеди стоит для них, по крайней мере, недельного пота. Но

требование вовсе не так страшно и невозможно, как оно представляется с первого взгляда. Проповеди должны быть по возможности простыми и безыскусственными поучениями, рассчитанными вовсе не на то, чтобы удивлять слушателей непонятной премудростью, вывезенной из семинарии, а на то, чтобы быть для них совершенно понятными, чтобы действительно повторять им истины веры и правила нравственности христианской. Если в семинариях будут нарочито и со всем должным старанием учить слаганию этих поучений и практиковать в них, то для каждого священника, по занятии им места, их приготовление будет составлять некоторый труд в продолжение годов полутора-двух, а потом это станет для них делом совершенно обычным. Повторение правил нравственности, так же как и их преподавание, требует не только простоты, но и убедительности, ибо цель их не только то, чтобы проповедник был понятен для слушателей, но и то, чтобы он действовал на них (на их сердца и воли). Убедительность не может быть придана речи искусственным образом, ибо, хотя Цицерон и сказал, что *poetae nascuntur, oratores fiunt* (поэтами рождаются, ораторами становятся), но он сказал совершенную неправду; степень убедительности зависит от степени убежденности и сердечного отношения к делу самого говорящего, так что здесь действительное условие не степень умения составлять поучения, а степень нравственного достоинства (качественности) священника, как пастыря «Тут правда не то, что сказал Цицерон, а что от сердца глаголят уста»...

Итак, наши приходские священники, чтобы стать истинными пастырями своих пасомых, должны принять на себя обязанность двойного учительства: во-первых, школьно-систематически обучать истинам веры и правилам нравственности христианской всех подрастающих детей (по мере прихождения ими в школьный возраст); во-вторых, посредством регулярно постоянной проповеди в церкви поддерживать знание истин веры и ревность к соблюдению правил нравственности в людях взрослых.

...Народ наш привержен к церковному богослужению. Между тем это богослужение совершается у нас далеко не совсем так, чтобы оно могло приносить народу всю пользу и чтобы совершение и вообще соответствовало его смыслу и назначению. Все, что читается и поется в церкви, должно быть внятно, разборчиво, чтобы могло быть разобрано присутствующими, а иначе не будет иметь смысла, ибо читается и поется не для кого-либо, как для присутствующих; но у нас это далеко не так. Народ собирается в церкви на общественное богослужение в праздники и именно — на всенощную или заутреню и на литургию. И литургия совершается у нас не вполне удовлетворительно, но совсем неудовлетворительно совершаются всенощные или заутрени: первая совершается не так, чтобы слышимое на ней присутствующими было вполне для них понятно, а последние совершаются так, что весьма значительная часть слышимого на них остается для присутствующих нечленораздельным звуком кимвала звяцающего, тщетно бьющим воздух. В первом случае причина - дурной обычай; во втором случае, с одной стороны — то же самое, с другой — необходимость.

Нынешний устав приходских церквей относительно всенощных и утреней есть устав монастырский, представляющий службы в таком объеме, что если бы совершать всенощные бдения или заутрени так истово, чтобы все читаемое и поемое на них было совершенно внятно для присутствующих, то они выходили бы до такой степени продолжительными, как в приходских церквях это совсем невозможно (и как это и в самих монастырях вполне соблюдается только на одном Афоне). Чтобы сокращать службы до продолжительности, которая возможна в приходских церквях, их и принуждены совершать так, чтобы значительная часть поемого и читаемого совсем не могла быть разбираема присутствующими и только понапрасну била их уши. Ясно, что это есть вовсе не естественное положение дела, которое должно быть устранено; невозможно совершать службы надлежащим образом в полном объеме устава, потому что нельзя и нет основания заставлять мирских людей быть монахами (и притом

только Афонскими); но бессмысленно и совершать службы так, чтобы присутствующие вовсе не разбирали того, что читается и поется (сравнивай ап. Павла в I посл. к Коринф. гл. 14); следовательно, для достижения возможности последнего необходимо сократить службы. Покойный митрополит московский Иннокентий, при неимении академического образования обладавший твердым, ясным и прямым здравым смыслом, сознавал нашу несообразность, говорил о ней и для ее устранения мечтал о вселенском соборе. Но тут вовсе не нужно созывать вселенского собора. Право начертывать чин общественных служб со включением и литургии в древнее время принадлежало не только каждой частной церкви, но и каждому епископу, и права этого никто потом не ограничивал; монастырский устав вошел у нас в приходские церкви не путем вселенского или частного законодательства, а просто путем обычая. Следовательно, дело может быть сделано собственной властью Священного Синода. Необходимо уничтожить этот взимающийся над всяким разумом обычай, и при этом должно начать с архиерейских протодиаконов, которые задают дурной тон и подают дурной пример всем прочим диаконам (а господа купцы с их купеческим вкусом и купеческим смыслом не должны иметь в сем случае никакого голоса). Пусть диаконы, — если угодно, — остаются басами, но они непременно должны служить так, как этого требуют человеческий смысл и значение того, что они возглашают и читают.

Представителями дурного обычая, имеющего своим последствием то, что церковные службы совершаются у нас неудовлетворительно, являются наши диаконы. Наш русский вкус требует, чтобы диаконы имели басы и чтобы они как можно сильнее являли свои голоса (попросту и бесцеремонно сказать — орали). Вследствие этого как те из наших диаконов, которые действительно имеют басы, так и те, которые только тянутся в басы, — а это делает чуть не каждый диакон, — сказывают ектеньи и читают евангелие так, что в лучшем случае на литургиях весьма мало можно разобрать, а в худшем — ничего нельзя разобрать, кроме слитного и нечленораздельного гудения, представляющего истинную бездушную трубу трубящую. Этот наш обычай есть нечто, заслуживающее самого крайнего осуждения. Ектеньи — суть молитвы, возносимые диаконом от лица присутствующих в церкви. И какая бессмыслица, что возносящий молитву не разбирает и не знает, что он говорит! Чтение евангелия на литургии или — что то же — слова Божия есть самое главное на ней, и это-то слово Божие читается так, что почти что все равно, если бы и не читалось.

Е.Е. Голубинский считает необходимым внести ряд исправлений в богослужение: — исправить переводы богослужбных текстов Нового и Ветхого заветов; — чтобы богослужение совершаемо было по возможности истово, выпускать кое-что в чтении и пении (на всенощной: кафизмы сокращать, чтение тропарей канона, шестопсалмие несколько сократить; перед литургией чтение часов весьма сократить или совсем отставить); — чтобы богослужение было по возможности понятно, сделать перевод главнейшего на русский язык и продавать самой дешевой ценой; — сделать издание Библии с хорошим введением и с постоянными подстрочными примечаниями; — царские двери делать маленькие, как у греков, восстановить древнюю форму иконостасов, чтобы алтарь был виден народу; — одевание архиереев на литургии перенести с середины церкви в юго-западный угол.

Материал подготовил А. Платонов

(Окончание следует).

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг

Духовные размышления 14 мин.

В

библейском рассказе о том, как силач Самсон разорвал на дороге льва, находишь меньше удовлетворения, чем в повести о юноше Давиде, который с одной пастушеской пращей вышел на увешенного доспехами, похвалявшегося Голиафа, и, призвав силу Божию, свалил гордого великана. И победа Самсона над тысячью филистимлян — не волнует. Замечательный подвиг, но бесподражательный. Удивление пред ним «блокирует» сознание, не вводит в жизнь. Подвиг Самсона выше человечности. Слово вся сила его была действительно не в сердце, внутри, а во вне, в волосах. И когда коварная женщина Далила остригла волосы Самсона, вся его сила исчезла. Библия — глубочайшая книга. И ребенок понимает, что у Давида не в волосах сила, а

в сердце, в большом, великодушном и мужественном сердце.

Подвиги, несомненно, разделяются на два рода: Самсоновы и Давидовы. Самсоновы подвиги — «волосяные», а Давидовы — подвиги сердца... «Волосяной» — это случайный герой, не онтологический. «Однобокий». Его геройство эпизодично и лишено этического смысла. В «человечестве волосяных героев» нет сияния человечности. Ими могли быть и фанатики-чеченцы, и удалые казаки-Крючковы, и гордо стоявшие пред расстрелом матросы революции, и такие герои белой армии, как Слащев, Скоблин. «Волосяной» герой может показать необычайную храбрость, хладнокровие, выдержку, презрение к смерти, забвение себя в минуту геройства; но сейчас же после этого, или немного позже, может стать зверем в человеческом образе, человеком, лишенным всякой нравственной устойчивости. У всякого Самсона есть не только своя Далила, но и свои волосы, лишаящие его геройства, -геройства, сосредоточенного лишь в нравственной периферии «волос». Это героизм — лишенный третьего измерения — глубины. Героизм же Давидов — подвиг, идущий из глубины человечности. Давид тоже подвергается соблазнам и нередко уступает им, но быстро пробуждается в своей человечности.

Есть героизм, носящий человека, а также есть героизм, который человек в себе носит. Подвиг, зависящий «от волос» (иначе сказать, от случайного настроения, от стакана вина, от понюшки кокаина или просто от железных нервов), — низший род подвига. Подвиг, зависящий от внутреннего содержания человеческого сердца, — высший его род. И Пугачев, и Стенька Разин были храбрецами и удалцами. Но подвиг Суворова — иной тональности, иного духа. Подвиг Суворова проникнут служением верой и настроенностью души. Это результат всежизненных убеждений.

Мы привели пример известного Давидова подвига: победы над Голиафом. Но вот менее известный, но, может быть, еще более яркий пример истинного подвига. Давид скрывается от Саула, врага своего, желающего из зависти его убить. Утомленный Саул засыпает в палатке своего лагеря. Давид с Авессою тайно пробирается к нему в лагерь и достигает его палатки. Вот что говорит об этом Библия:

»Пришли Зифеи к Саулу в Гиву и сказали: вот, Давид скрывается у нас на холме Гахила, что направо от Иесимона. И встал Саул, и спустился в пустыню Зиф, и с ним три тысячи отборных мужей Израильских, чтобы искать Давида в пустыне Зиф. И расположился Саул на холме Гахила, что направо от Иесимона, при дороге; Давид же находился в пустыне и видел, что Саул шел за ним в пустыню; и послал Давид соглядатаев и узнал, что Саул действительно пришел. И встал Давид, и пошел к месту, на котором Саул расположился станом, и увидел Давид место, где спал Саул и Авенир, сын Киров, военачальник его. Саул же спал в шатре; и народ расположился вокруг него. И обратился Давид, и сказал Ахимелеху Хеттеяниину и Авессе, сыну Саруину, брату Исава, говоря: кто пойдет со мною к Саулу в стан? И отвечал Авесса: я пойду с тобою. И пришел Давид с Авессою к людям Сауловым ночью; и вот Саул лежит, спит в шатре, и копьё его воткнуто у изголовья его; Авенир же и народ лежат вокруг него. Авесса сказал Давиду: предал Бог ныне врага твоего в руки твои; итак, позволь я пригвожду его копьем к земле одним ударом, и не повторю удара. Но Давид сказал Авессе: не убивай его; ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным? И сказал Давид: жив Господь! пусть поразит его Господь, или придет день его, и он умрет, или пойдет на войну и погибнет; меня же да не попустит Господь поднять руку мою на помазанника Господня. А возьми его копьё, которое у изголовья его, и сосуд с водою и пойдем к себе. И взял Давид копьё и сосуд с водою, и пошли они к себе; и никто не видел, и никто не знал, и никто не проснулся, но все спали; ибо сон от Господа напал на них. И перешел Давид на другую сторону, и стал на вершине горы вдали; большое расстояние было между ними. И воззвал Давид к народу и

Авеиру, сыну Кирову, говоря: отвечай, Авенир. И отвечая Авенир и сказал: кто ты, что кричишь и беспокоишь царя? И сказал Давид Авеиру: не муж ли ты, и кто равен тебе в Израиле? Для чего же ты не бережешь господина своего, царя? Ибо приходил некто из народа, чтобы погубить царя, господина твоего. Не хорошо это ты делаешь; жив Господь! вы достойны смерти за то, что не бережете господина вашего, помазанника Господня. Посмотри, где копье царя и сосуд с мздой, что были у изголовья его?» I Царств, 26:12-16.

Героизм сердца. Его много бывает во всякой войне. Может быть, единственный смысл войны: явление героического самоотречения. Но бывает его еще больше в мирное время, когда подвиг великодушия благородства и бескорыстия еще нужнее, чем во время войны. Тайный подвиг, подвиг сердца никому не несет земного отличия. И главная война, духовная, идет в человеке всю его жизнь, до последней его земной минуты: война добра против зла и зла против добра; война истины с ложью, лжи с истиной. Война чистоты с грязью и грязи против чистоты. Наконец, война любви против злобы и злобы против любви. Достоевский выразил это: «В мире диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Мы не могли бы сейчас говорить о подвиге, если бы ради нас не было проявлено ряда (может быть, даже длинного ряда) подвигов со стороны многих наших близких и вообще встречавшихся с нами в жизни людей. Мы все живем благодаря другим людям и подвигам других людей.

Прежде всего, мы обязаны подвигу матери. Сколько бессонных ночей у нее было в ожидании нашего рождения. И таких же ночей над беспомощным, беззащитным тельцем. Кто сочтет, взвесит все ее самопожертвование, все забвение себя, сострадание души и болезнь тела, чтобы мы только жили — чтобы мы выжили. А труд самозабвенный наших отцов. Счастлив тот, чьи родители не убоились подвига деторождения и воспитания своего ребенка, работы над его характером, преодоления скверных его склонностей, когда они были еще в зачатке.

Разве не подвиг, например, для матери, — вразумить, наказать ребенка за его скверный поступок и не убоиться услышать его плач? Разве не подвигом была работа наших воспитателей и учителей, таких часто терпеливых и внимательных к неблагодарным и злым детям? Но перешагнем через подвиг людей, окружающих наше детство и нашу юность. Вот мы взрослые, и окружены миром, «лежащим возле». Сколько в нем для нас опасностей, соблазнов, падений и смертей! Куда ни оглянемся -всюду, как в кошмаре Достоевского, Подстерегает нас «темная баня, а в углу ее паук». Что бы с нами было, если бы жизнь определялась только одними инстинктами людей-пауков, ткущих свою паутину во всех углах жизни? Если бы не было вокруг нас подвига человеческого! Подвига не как чего-нибудь только «особенного», эффектного, могущего быть описанным в увлекательной книге; но подвига ежедневного, тихого — людей, прошедших мимо нас, и скромно, может быть, даже тайно (сами того не замечая), оставивших в нашей жизни благоухание своей человечности. Посадивших в мире белый цветок подвига.

Подвиг, как говорит само слово, есть подвигание, стремление куда-то. Движение к какой-то цели, к какому-то смыслу. Это движение самой той высшей Жизни, той вечной Жизни, к которой должен приобщиться человек за его краткое-краткое пребывание на земле. Подвигнуться надо человеку ввысь, вот его назначение. Различно «подвигается» человек. Оттого различны и подвиги его, без которых в жизни не было бы ничего прекрасного, кроме Творца и Его бессловесного творения. Но чрез подвиг делается прекрасным и человек, творение разумное, созданное для подвига на земле, и возвышения к вечной радости неба.

Подвиг, как и всякое движение, может быть горизонтальным — количественным, — совершаться в плоскости дурной математической и пространственной бесконечности,

гегелевской «schlechte Unendlichkeit». И подвиг может быть вертикальным — «вниз» и «вверх». Совершающие человеческое жертвоприношение Ваалу или приносящие обет индусской богине оспы или холеры, подвигаются по вертикали (и конечно, вниз). Преп. Сергей Радонежский, Серафим Саровский и другие праведные, очищающие и очистившие свое сердце, — «подвижники вверх».

Бесчисленные усилия, тренировки, самоограничения атлетов, бегунов, боксеров, а также всяческих воздержников от пищи ради похудения, все это, несомненно, «подвиги горизонтальные», не возвышающие человека и не углубляющие его человечности. Во многих случаях катящие его по наклонности. «Кто не собирает со Мной, тот расточает».

Подвижники, сделавшие подвигание вверх и вглубь Бытия главным импульсом своей жизни, — истинные люди.

Различны формы «подвижнической» человеческой жизни, но сущность ее одна: отдача себя последней. Божьей правде. Служение Богу чрез служение человеку; служение человеку в Боге. В более узком смысле слова, подвижниками именуются истинные монахи, пустынники, посвятившие жизнь ежесекундному укоренению своего духа и своей воли в Боге, очищению своего сердца от самых глубинных в нем проявлений зла и темных эмоций.

Физические войны и всякая в мире борьба есть лишь отражение в физическом плане реальности духовной борьбы, предлежащей каждому человеку в этом мире.

Борьба имеет свои сроки. Времени принадлежит и связанный с борьбой, внутренней и внешней, вытекающий из этой борьбы подвиг веры в Бога, надежды на Бога, любви к Богу и человеку. Хотим или не хотим, нам предлежит в этом мире борьба. Но дух и характер этой борьбы мы можем выбрать сами. Мы можем бороться ложью, обманом, клеветой, грызться, пожирать, как шакалы и гиены, друг друга из-за куска мяса. А можем своей любовью к Богу и Его правде вырвать, убить свой грех. И обессилить и изменить убийственный дух в другом человеке.

Человек стреляет в другого из-за одного бессмысленного и неосторожного слова; и такой же человек бросается в бурное море спасать неизвестного ему человека. Люди употребляют совершенно такое же усилие мускулов, чтобы подтолкнуть падающего и чтобы поддержать его. Гангстер отдает весь свой разум, все свое время, волю и энергию, чтобы перевести деньги ближних в свой карман; и люди, такие же, как он, проводят дни и ночи в делах истинно-человеческих, в трудах, милосердии и молитве, не только за друзей своих, но и за врагов... Какой диапазон волевых возможностей в человеке.

Один старец поучал подвигу такими словами: «Братья, что вы делаете, чего бы не делал злой демон? Вы скромно едите. Он совсем не ест! Вы мало спите, он совсем не спит. Вы отказались от лишних одежд, но у него совсем их нет... Во всем том, от чего вы отказались, вы еще не возвысились над ним. Но, братья, есть одно, от чего он не может отказаться, — это от злобы. Есть одно, чего он не может достичь, — это любви. Здесь начало и совершение истинного подвига». А. Хомяков верно сказал:

Подвиг есть и в сраженьи, Подвиг есть и в борьбе, Высший подвиг в терпении, Любви и мольбе.

Если сердце заняло Перед злобой людской, Иль насильно схватило Тебя цепью стальной;

Если скорби земные Жалом в душу впились, — С верой бодрой и смелой Ты за подвиг берись.

Высший подвиг любви совершается незаметно. Слава этого состояния по-настоящему открывается только в итоге жизни.

«Один монах, — говорит древнее повествование, — не обладал добродетелями, которыми часто сияют иноки, и не прилежал особенно ни к постничеству, ни к молитве. Наконец, ударил час его смерти, — и собравшиеся вокруг него братья крайне удивлялись, видя, что этот беспечный, по их мнению, инок оставляет временную жизнь не только без трепета, но спокойно и благодарит Бога.

— Почему ты так беспечален, хотя предстанешь скоро великому Суду Божию? — спросили они.
— Мы знаем твою жизнь и не постигаем твоего равнодушия.

Тогда умирающий сказал им:

— Отцы и братья, я жил беспечно. И ныне все дела мои представлены мне и прочтены ангелами Божиими. С сокрушением сердца моего я признался в них и ожидал приговора. Но ангелы сказали мне: «При всем небрежении, ты не осуждал ближних, и не было в тебе злобы!» При этих словах они разорвали рукопись грехов моих... Вот источник моей радости...

Сказав это, инок с миром отошел ко Господу».

Подвиг настоящий себя не осознает. В этом его красота. Когда все удивлялись нестяжательности и милосердию епископа ноланского Павлина, он думал, что ничего не сделал ни для кого. «Я подобен, — говорил он, — только бойцу, приготавливающемуся к сражению, и человеку, желающему переплыть через реку; оба- они ничего еще не сделали, скинув с себя одежду...»

У колыбели младенца и у смертного одра, среди сильных, здоровых и среди прокаженных, расслабленных проходит подвиг человеческий. Сколько открытой красоты и еще больше незримой есть в самоотверженном человеке. И ко всем явлениям этой красоты можно приложить белое имя подвига.

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

Мария Клементьева: Исход

Поэзия 2 мин.

Мария Клементьева

Исход

Это странное время, когда впереди только шаг, И на голос идя, я не чувствую звука шагов, Увязая в песке, я спросила бы: вечно ль — вот так? Но безмолвен идущий. Колышется море голов.

Я молчу. Я иду как в бреду, как по броду реки, В это странное время, когда впереди только свет — Или ночь — но потом снова утро, и взмахом руки Дирижерским жезлом ударяю. Источника нет.

Моисеев источник, впадающий в реку Христа, За которой — бескрайное море Отцовой любви. В это странное время, когда впереди пустота, Дай напиток скорей, воскреси, вознеси, оживи.

Над пустыней вздымаются ветрами тучи песка. Я — песчинка. Песчинке пропавшей не скажешь: вернись. Я живу (по небесному Дому снедает тоска) В это странное время, когда впереди только жизнь.

Евгения Кучина

Таинственные северные зори — Столь долгие, столь полные прощанья! Как медлит розоватое сиянье, Как нехотя тускнеют облака.

И вдруг блеснет нежданный луч над морем И даль залива озарится светом, Как будто солнце ласковым приветом Душе напомнит: Милость велика.

О как ждала вода жезл Моисея! Как билось сердце пленное волны! Веками в камне быть, не каменя, — Веками в камне быть — и видеть сны

Такие влажные! И полные свободы — Разлиться, хлынуть, затопляя, течь, Поить пески пустыни, полнить воды И к небу слать взволнованную речь.

Могучий голос океана. Трепет Ликующий весенних ручейков, Прозрачный смех озер.

Влюбленный лепет Ночной реки в объятьях тростников.

Как жаждет жить вода! Как жарок камень! Как трудно чуда ждать во тьме веков! Пророк пришел. И властными руками Ее освобождает из оков.

1933

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.

: 1 Московский съезд православной молодежи

Информация 2 мин.

1 Московский съезд православной молодежи

23–25 апреля в Московском Государственном университете им. Ломоносова по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II прошел 1 съезд Православной молодежи Москвы. Открылся он торжественным молебном, который отслужил викарий Московской епархии, епископ Истринский Арсений. Съезд собрал представителей молодежи всех московских приходов, а также делегатов от православных братств, христианских журналов, Православной школы при Российском открытом университете, приходских библиотек.

Целью работы съезда было учреждение Московского Православного Молодежного движения, призванного вести благотворительную, катехизаторскую, редакционно-издательскую деятельность, сотрудничать с другими православными и неправославными христианскими молодежными движениями и организациями.

На съезде работали две секции — «Христианское просвещение в современных условиях» и «Церковная жизнь». На них обсуждались вопросы о формах участия молодежи в приходской жизни, о христианском воспитании детей, о возрождении приходских библиотек и старинных православных ремесел.

Съезд принял Устав Движения, избрал его председателя — им стал священник Артемий Владимиров, членов Совета Движения.

В последний день работы съезда было принято также несколько обращений: «К сверстникам», «К русской православной церкви за границей» и «К Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси».

×

№5 1991 год

Скачать номер: EPUB MOBI PDF

Проповедь

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Неделя о слепом 7 мин.

Протопресвитер Виталий Боровой: В неделю о Фоме 10 мин.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей 47 мин.

Церковная жизнь

Беседа с митрополитом Антонием (Блумом) «Церковь должна быть так же бессильна, как Бог...» 14 мин.

Евгений Голубинский: О реформе в Русской церкви 36 мин.

Духовные размышления

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Подвиг 14 мин.

Поэзия

Мария Клементьева: Исход 2 мин.

Информация

1 Московский съезд православной молодежи 2 мин.